

Будьте моей семьей

Автор:

Татьяна Алюшина

Будьте моей семьей

Татьяна Александровна Алюшина

Артем – состоявшийся в жизни мужчина, сильный и мужественный, а семьи до сих пор нет. Он все чаще задумывается о сыне, но ни одна женщина не кажется ему подходящей на роль жены. Однажды Артем встречает Арину, красивую молодую маму, умную и независимую. К тому же та занимается интересным делом – шоколадным бизнесом, и сердце его тает. Он готов усыновить чужого ребенка и делает предложение, только есть одно важное «но», которое Арина никак не может принять...

Татьяна Алюшина

Будьте моей семьей

© Алюшина Т., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

«Пропало лето», – с ленивой досадой думал Артем, поглядывая через лобовое стекло на плотно затянутое тучами небо. Как сказал недавно один работник его компании, «гнилое лето», пояснив, что его бабушка, жившая в деревне, так говаривала, когда заряжали дожди на неделю, а то и больше.

Какая неделя! Уж потерпели бы как-нибудь неделю-то, а тут вон заливает Москву и всю среднюю полосу страны, почитай, месяц кряду, и холод стоит, и тучи на небе день за днем, депрессняк какой-то сплошной, а не лето. Чуть солнышко появится, одарит радостью и хоть немного потеплеет, так народ толпами на улицы и в парки гулять валит да по дачам стремительно разъезжается в надежде хоть немного расслабиться, погреться, поймать-ухватить тепла редкого. Какой-то выверт природы, ей-богу!

Красногорский снова глянул на небо – не-а, не просветлеет, вон как плотно все затянуто! А обещали потепление, хоть и временное, солнце и несколько дней без дождей.

Ну, положим, потепление есть. А вот солнце нынче не радует – так, выглянет ненадолго, посмотрит, что тут творится, и снова тучами укроется – не нравимся мы ему нынче.

«А как хотелось», – непроизвольно вздохнул Артем.

Он любил их уютный дом и большой участок, любил полениться на даче в полное свое удовольствие, когда выпадала такая возможность.

Приехать жарким денечком и сразу на речку – поплавать до приятной усталости во всем теле, занырнуть до самого дна, до опасного подводного ключа, бывшего на глубине, да так, чтобы холодом пробрало до потрохов, а после размашистыми, мощными гребками переплыть речку обратно к своему берегу, выбраться из воды на чуть подрагивающих от усталости ногах и рухнуть животом на горячий песок, подставляя тело палящему солнышку.

Позагорать, прожариваясь, переворачиваясь с живота на спину, разомлев от удовольствия, а когда совсем припечет невмоготу от жары, заплывать еще разок, теперь уж размеренно-спокойно. А потом и домой.

А там мама уж и стол накрыла на веранде, чтобы чаевничать, никуда не торопясь, продолжительно-лениво и тихо беседовать, отпуская окончательно из себя всю накопленную усталость, суету и напряженность рабочей недели.

И непременно поваляться после чая в гамаке, устроенном между сосен, условно с книжкой для чтения, по факту же для умиротворенной, ленивой дремы и приятной неги...

Он любил заниматься никогда не переводящимися домашними делами, требующими мужского пригляда и руки – внимательно следил за всеми агрегатами, которые обеспечивали комфортную жизнедеятельность дома, проводил профилактику, менял подлежащие замене части, мог в удовольствие что-то и попилить-приколотить. Обрезать деревья и копать немногочисленные грядки тоже было его обязанностью, да какой только заботы не требует хозяйство, даже такое отлаженное и неприхотливое, как их дача, на которой они предпочитали все же отдыхать, а никак не огородничать. А ему нравилось – выпасться, утречком сбегать на речку, поплавать, вернуться, не спеша позавтракать и заняться хозяйскими хлопотами. Никуда не торопясь, с расстановкой и толком, в удовольствие, а к вечеру снова на речку. А потом сидеть долгими вечерами на веранде, провожая очередной раскаленный день.

Красота ведь какая, а?

Ну и куда нынче со всеми этими мечтами о расслабке и ожиданиями знойного лета и любимого отдыха?

На Кипр разве что или в Сочи, например, чтоб им всем весело жилось.

А нету там такой вот красоты и радости дачной. Вот нет, и все!

Он накручивал себя глухим недовольством и мысленным ворчанием, подогреваемым к тому же чувством вины перед мамой за то, что не приезжал больше трех недель. Хотелось оправдаться и отбрехаться, мол, из-за работы, но уж чем-чем, а самообманом Артем Красногорский не страдал с подросткового возраста, да и не позволял себя эдакой ерунды, так что нет, не из-за работы не приезжал, прости матушка. А именно что из-за погоды этой непутевой и настроения какого-то тягучего и мрачного, когда ничего не хочется и не может, не появлялся он на даче пред любящие матушкины очи.

Она не обижалась, все понимала и прощала, конечно, но вздыхала расстроено, когда сынок сообщал очередной раз, что не приедет, и жаловался все на ту же погоду, на настроение непонятное и вообще.... А она снова вздыхала, жалела его

и... ждала. Конечно, ждала каждые выходные, а как же. Он понимал все ее ожидания и от этого только больше накручивал себя чувством вины, от чего ворчал пуще прежнего, заодно в сердцах поминая недобрым словом еще и образовавшихся постояльцев.

А это так вообще уже за гранью его понимания – постояльцы!

В этом году матушку посетила странная прихоть – сдать часть дома жильцам на лето. И придумала же такое! Откуда что взяла! Вот взбрело же в голову!

– Подожди, Артемочка, – отстаивала она свою мысль, когда сын принялся ее вразумлять, – дом у нас большой, участок огромный, за всем я одна не угляжу, хоть Варя мне и помогает, да и Степан Сергеевич поддерживает. Но, в основном я тут сижу, как сова в дупле, одна-одинешенька. А так сдадим «молодежную половину» хорошим людям, и мне веселей – компания образуется, и людям в радость. Да и денег заработаем.

«Молодежной половиной» они называли три комнаты с примыкающими к ним небольшим кухонным уголком, санузлом и душем, имеющими свой отдельный вход, которые при перестройке и ремонте дома делали с расчетом на то, что там будут жить Артем с женой, как бы условно в своем обособленном крыле, хотя эта часть и была напрямую соединена с «Большим домом» проходной комнатой. Правду сказать, «молодежная половина» и на самом деле большую часть времени стояла закрытой и использовалась, только когда приезжали гости. Артему с мамой вполне хватало «Большого дома», весь второй этаж которого занимал он единолично, тоже с отдельным выходом через малую веранду на задний двор, так что уединенности для него здесь было с избытком.

– Каких денег? – негодовал, заводясь, Красногорский. – Мам, ну ты о чем?

– Деньги лишними не бывают, – настаивала мама и объясняла: – Ну Артемушка, ну подумай сам, ведь сижу тут все лето одна, ты только в выходные появляешься, да и то не каждые, а мне живого человеческого общения не хватает, не в Москву же за ним мотаться. Да и не хочется мне в Москву.

– Да у тебя соседи постоянно тут толкутся, вон тот же Степан Сергеевич, – возразил Артем.

– Это все не то, – отмахивалась Лидия Архиповна. – Приходят, да только мы все дела огородные обсуждаем и поселковые сплетни-новости. А сосед, он хоть и человек интересный, но уж больно занудный и себя одного считает авторитетом по многим вопросам. С ним общаться можно весьма дозированно.

– Так пригласи подруг с детьми и внуками, – предложил Артем.

– Да не хочу я подруг, – отмахивалась Лидия Архиповна. – Ты не понимаешь, Артемушка, тут момент тонкий. Я, конечно, люблю своих подруг, но сам подумай: они все независимые, своенравные, привыкли устраивать жизнь по своему характеру и привычкам, а тут у меня будут вроде как под хозяйкой жить, по моим законам и правилам. Одно дело приехать на несколько дней, когда они гости дорогие, любимые, жданные-желанные – погостили и уехали, другое дело жить месяц-два-три, это уж общежитие какое-то получается. А у них у всех характеры ты сам знаешь какие – не рахат-лукум. Переругаемся, останемся недовольны друг другом, да еще и претензий наживем на годы вперед. Нет уж, увольте, я уже не в том возрасте, чтобы терять друзей из-за житейских дразг и трений характеров.

– А с постояльцами, значит, предполагается, что ты жить будешь душа в душу, – недовольно ворчал Красногорский, уже понимая всю очевидную бесполезность отговаривать ее и вразумлять.

– Надеюсь, – смеялась мама и успокаивающе гладила его по голове. – Я ведь не абы кого возьму, а по рекомендации людей, которым доверяю. И не просто так это придумала. Меня уже неоднократно друзья спрашивали, не сдам ли я закрытую часть дачи. Вот я и решила этим летом попробовать. К Мише обращусь, он людей проверит по своим картотекам или что там у них есть.

Михаил Захарович – старинный друг их семьи, вернее, близкий друг отца еще с их юных лет, ну а потом уж и его семьи, разумеется, в целом, долгие годы служил в МВД и дослужился до больших чинов, с которых и уволился в запас. Но наработанные связи остались.

Артем больше маму не отговаривал – если ей так хочется и вот прямо припекло, да на здоровье! Может, и на самом деле повеселей ей будет, да и не одна все же, какой-никакой, а пригляд. Есть у них, правда, помощница приходящая, Варвара Николаевна, местная жительница пятидесяти двух годов, но... Варя –

она и есть Варя, не до куртуазных общений ей, не приспособлена вести умные беседы. И такая, как бы определить помягче, упертая. Все-то она сама знает, как и что надо устраивать в жизни, в хозяйстве, советов чужих не приемлет, наставлений не переносит. Такой типажик непробиваемый.

– Жизнь надо жить, – говорит она безапелляционным наставническим тоном, – а не разговоры разговаривать о ней непонятно зачем. Вот как заведено правильно, так и надо жить.

А матушке порой как раз-таки хочется и «разговоры поразговаривать» с интересным собеседником. Так что пусть, раз уж пришла в голову такая прихоть – сдать часть дома жильцам, пусть.

Может, и удачной идея окажется. Посмотрим.

Артем в выборы постояльцев не вмешивался, предоставив маме самой этим заниматься, только позвонил и лично спросил у Михаила Захаровича, когда мама определилась с выбором арендаторов, нормальные ли люди, и, получив подтверждение по всем статьям, с уверенением, что Артем может совершенно не беспокоиться о матушке, Красногорский тему дачных жильцов отодвинул куда-то на задворки памяти.

Мама рассказывала что-то про поселившихся жильцов, когда они с ней созванивались, мол, женщина, как и она, коренная москвичка, ее ровесница, с внуком, замечательная, интеллигентная, с которой они сразу же расположились друг к другу и буквально через пару дней сдружились, и что-то еще, еще – Артем не запоминал. Главное, маме хорошо, она счастлива и новую подругу заимела – и слава богу.

А тут собрался наконец ехать, и мало того что настроение кислое, так вспомнилось еще с раздражением и о чужих людях в доме. Даже прикинул на мгновение, а не втюхать ли любимой маменьке присутствие жильцов как одну из причин его длительного непосещения родительницы, но как подумал, так и отменил эту мимолетную мысль. Во-первых, она тут же поймет, что он тупо отбояривается, находя себе оправдание, а во-вторых, чего врать-то, не любил он это дело – помни потом, что сбредал, держи в голове весь этот мусор. Да и зачем? Смысла никакого. Ну не приезжал, хандрил, ну вот едет же.

Кстати, за тягучими мыслями-размышлениями и бурчанием недовольным уже вон и доехал, и не заметил как. Чего уж теперь канючить – ладно, и с дождичком отдохнем, не прокиснем, может, даже и за грибами в лес сходит, и с жильцами как-то уживемся, поворчал он напоследок, останавливая машину у ворот на участок.

Обычно Артем открывал ворота с пульта, сразу же заезжая на дорожку к гаражу, но сегодня повременил, вспомнив, что мама предупреждала, будто кто-то там должен приехать в эти выходные к ее жилище в гости. Вот и решил, прежде чем парковаться, сначала посмотреть, может, кто на автомобиле прикатил и поставил свое транспортное средство за воротами.

С такой мыслью Красногорский и заглушил мотор, достал ключ из замка, распахнул дверцу и выбрался из комфортного охлажденного кондиционером нутра машины во влажное тепло улицы.

И сразу же резко по ушам ударил какой-то дикий, пронзительный кошачий вой, доносившийся откуда-то с их участка, словно кто-то уронил нечто тяжелое прямо на причинное место несчастному животному.

Кошачий вой не прекращался, а как бы даже набирал обороты, и Красногорский поспешил пройти в калитку.

– Какого хрена тут происходит?

На широкой дорожке, ведущей к гаражу, никакой машины не было, зато за одним из кустов бузины, которые окаймляли эту самую дорожку, прятался неизвестный ребенок. Приподнявшись на цыпочки и держась ручонками за ветки, он вытягивал головку, старательно высматривая что-то важное в направлении дома, настолько сосредоточившись на своем занятии, что не замечал ничего вокруг.

Совсем маленький пацаненок. Артем не сильно-то и разбирался в детях и их возрасте, но поскольку у его близких друзей дети имелись, то их возраст Красногорский хоть как-то мог идентифицировать: десять, семь лет и два года.

Этому было явно меньше семи, но больше двух.

И тут Артем сообразил, что любое его обращение к мальчику, громкий звук шагов или резкое движение неизбежно напугают малыша. А если учесть, что тот внезапно увидит здорового незнакомого дядьку рядом....

Такая немного патовая ситуация.

Но, не умея предаваться затяжным сомнениям, предпочитая принимать быстрые решения и действовать, Красногорский с максимальной осторожностью прошел вперед, поддернув брючины, присел на корточки метрах в полутора от ребенка, чтобы и в самом деле не испугать парня, и достаточно громко, чтобы перекрыть дикий кошачий вой, но все же с осторожностью спросил:

- И что там происходит?

Мальчишка все-таки вздрогнул и резко повернулся на голос. Но что странно, не испугался, а как-то насупился, что ли, - строго сведя бровки, с подчеркнuto недоверчивым и настороженным выражением личика, вдруг спросил громким, звонким голосочком:

- Ты кто?

- Артем Борисович, - подчеркнuto ровным доброжелательным тоном представился Красногорский и добавил для большей ясности: - Сын Лидии Архиповны.

- А-а-а, - заметно расслабилась мальчонка, перестав смотреть с неодобрительным подозрением на незнакомого дядьку, и вдруг сложил ладошки замочком и прижал ручки к груди, словно ожидал, что вот прямо сейчас его начнут за что-то отчитывать и ругать. - Я знаю: ты хозяин. - И спросил с сомнением: - Ты будешь сейчас со всем разбираться?

- С чем разбираться? - уточнил Артем, сдерживаясь, чтобы откровенно не разулыбаться - до того комичным выглядел малыш с этими его сложенными ручками и настороженным видом провинившегося в чем-то человечка.

- Не знаю, - принялся пояснять ребенок. - Бабушка Лида говорит, когда надо что-нибудь сделать: «Вот приедет хозяин - он и разберется». Я пока только

узнал, что такое хозяин, мне бабушка Лида показывала портрет, там ты. – И, расцепив ладошки, ткнул пальчиком в сторону Артема, видимо, чтобы тот точно понимал, что речь идет именно о нем. – Ты ее сынок и хозяин. – Подумал и уточнил: – Она так сказала. А про «разбираться» я пока ничего не знаю.

– Понятно, – кивнул Артем и спросил: – Тебя как зовут?

– Матвей Ахтырский, – отрапортовал ребенок, старательно выговаривая свою фамилию по слогам, выделив с нажимом первый слог.

– И от кого ты тут прячешься, Матвей Ахтырский? – поинтересовался Артем.

– Не, не прячусь. – Мальчишка отрицательно покрутил головой, вздохнул с тяжелой безнадежностью и пояснил: – Я немного переживаю.

– Чего? – боролся с предательски расплывающейся улыбкой Красногорский.

– Пока мама остынет и можно уже будет идти, – как нечто очевидное пояснил пацан.

Мальчишка был чудесный. Обаятельный и невероятно забавный – густые пшеничные волосы топорщились упрямыми вихрами на затылке и у висков, на носу и щеках красовались крупные веснушки, а глаза были огромными, редкого темно-синего оттенка. И его круглое личико отображало все его стремительно меняющиеся эмоции, такие непосредственные, чистые, живые.

Было совершенно очевидно, что он еще тот шkodник и явно что-то натворил, и теперь героически прячется в кустах, вернее, как он выразился, «переживает, пока мама остынет», и что-то подсказывало Красногорскому, что переживание это было напрямую связано с диким кошачьим воем.

– Та-а-ак, – протянул Артем, – а скажи мне, Матвей, почему кошка так завывает, ты знаешь? – и указал рукой в сторону дома, где так и не прекращался жуткий кошачий вой, режущий слух.

– Знаю, – кивнул мальчонка и объяснил: – Это Маруся кричит, – и добавил как нечто само собой разумеющееся, подкрепив высказывание энергичным жестом,

разведя ручки в стороны: – Она так радуется.

– Какая-то мучительная радость у нее получается, – с сомнением заметил Артем, которому снова пришлось сдерживать улыбку, и продолжил: – А чему она так радуется, ты знаешь?

– Знаю, – снова кивнул Матвей.

– Может, расскажешь? – предложил Артем.

Мальчонка тяжело вздохнул, печально нахмурился и приступил к повествованию:

– Бабушка Лида сказала нам с Вовой, что у Маруськи сегодня день рождения. А на день рождения должен быть праздник. У каждого человека должен быть праздник на день рождения, даже если он кошка!

– Ну-у-у, в общем, с концепцией согласен, – протянул Красноярский, прикладывая определенные усилия, чтобы удержать серьезное выражение лица. – Маруся, как я понимаю, это кошка Лидии Архиповны, а Вова – это внук нашего соседа?

– Да, – подтвердил ребенок. И снова замолчал, видимо, посчитав, что уже все разъяснил.

– И что там дальше с Марусиным днем рождения? – подтолкнул ребенка к дальнейшему рассказу Артем.

Энергично жестикулируя ручками, выражая мимикой всю гамму чувств и эмоций, Матвей Ахтырский принялся рассказывать:

– Когда день рождения – все радуются и дарят подарки и вкусного всякого много, – махал он размашисто ручками, – и музыка, и все играют в разные игры, танцуют и радуются. Но кошки же не танцуют и подарки не берут, им же нечем, у них только лапы есть. Но праздник-то все равно должен быть!

– Ну это-то да. – Артем трясся от еле сдерживаемого смеха. – И вы с Вовкой решили этот праздник Марусе устроить, я правильно понял?

- Правильно, - в очередной раз кивнул ребенок.

- И что вы придумали?

- Маруся не умеет танцевать и в игры играть, зато она любит вкусную еду и бегать. Мы спросили у бабушки Ани, что очень-очень нравится кошкам. Бабуля сказала, что сметану и мышей. Но ведь сметаны у Маруси полно, она ее каждый день ест, ее бабушка Аня тайно балует.

Выражение его рожицы вдруг сделалось назидательным, и он произнес с большим значением:

- А когда вкусность каждый день, это уже не праздник. Да и мышей она ловит.

- Кто? Бабушка Аня? - не удержался от уточнения Артем, прикрывая ладонью улыбку.

- Да нет же! - потряс ладошкой Матвей. - Маруся ловит мышей. Но я не видел, что ловит, - так бабушки говорят.

- Ну хорошо. - Красногорский просто балдел от этого пацана. - Если не сметану и мышей, то что еще ей нравится, вы выяснили?

- Бабушка сказала - валерьянка.

- А ты знаешь, что это такое? - уточнил Артем.

- Это такие капли в бутылочке, их бабушка Лида капает в рюмочку и пьет для крепких нервов.

- И вы их нашли, как я понял? - усмехнулся Артем.

- Да, - кивнул Матвей, на этот раз не остановившись на скупом ответе, все же пояснил: - И налили в блюдце Марусе. Вова сказал: чего мы будем капать, это же совсем мало, когда капашь, а у нее праздник, а в праздник можно лопать много вкусного, пусть и Маруся лопает. Мы и налили.

- Так, стоп, - остановил его Красногорский. - А где вы нашли капли?

- Я же знаю, откуда их бабушка берет, - как бестолковому, пояснил ему мальчуган. - В буфете! Мы стул подвинули, я залез и достал.

- Там же разных пузырьков с лекарствами много стоит, как ты нашел то, что нужно? - подивился Красногорский.

- Прочитал.

- Тебе сколько лет-то? - Артем даже как-то растерялся от столь сильного заявления.

- Четыре года, - гордо заявил мальчишка и, старательно прижимая большой палец к ладошке, растопырил четыре пальчика, подтверждая свой возраст. И повторил: - Четыре. С половиной.

- И ты что - умеешь читать? - совсем обалдел Артем.

- Умею, меня бабушка Аня научила, - и честно признался: - Только по слогам. - Но и похвастаться не забыл: - Я еще английские буквы знаю.

- О как! - уважительно заметил Артем. - И ты прочитал, что написано на пузырьке?

- Да, - гордо кивнул пацан и тут же признался: - Там было не то слово, другое, какого-то «ва-ле-ри-а-ны», но мы решили, что это тоже подойдет.

- Судя по полученному эффекту, подошло, - хохотнул Артем, кивнув в сторону дома, где продолжала орать благим матом кошка Маруся, и уточнил на всякий случай: - И это весь праздник, что вы ей устроили, - напоили валерианой, и все?

- Нет, мы ей еще музыку сделали! - Мальчишка радостно развел ручки в стороны, словно собирался обнять весь мир.

- Как именно сделали?

– У бабушки Лиды есть ма-а-аленькое радио. – Матвей показал размер, близко сведя ладошки.

Точно, есть у Лидии Архиповны такой совсем маленький переносной радиоприемничек на ленте с липучкой. Его надевают на руку, на предплечье, спортсмены – во время бега или тренировки (те, что не любят наушники), а еще дачники, копающиеся на грядках. Она попросила как-то сына купить ей небольшой приемник, чтобы брать с собой, когда занимается садом-огородом, а не включать «бандуру» старую на веранде, чтобы голосила на весь поселок, как она выразилась. Артем нашел в спорттоварах совсем небольшой современный аппарат, удивительно мощный при столь малых габаритах, да и крепление надежное, которое регулировалось застежкой на липучке. Очень удобно.

– И что вы с этим радио сделали? – изо всех сил выдерживая невозмутимый тон, поинтересовался Артем.

– Мы взяли Маруську, надели ей на шею радио, вот так, – он показал, как они закрепили на шее несчастного животного аппарат, – налили в блюдце валерьянки. Она прямо побежала к нему и его так быстро-быстро блям-блям-блям языком, – изобразил он и этот процесс, – а Вовка на пимпочку нажал, и радио как включилось, и Маруська как подпрыгнула, и как закричит! – Мальчонка разошелся, стараясь жестами и мимикой передать происходившее. – Глаза у нее вот такие стали. – Он что было сил выпучил свои необыкновенные темно-синие глазищи, горевшие радостным огнем. – И она так раз – прыгнула и побежала на двор! Она там бегала, бегала и кричала очень громко, – все активней махал он ручками, – а все бегали за ней и тоже кричали, а Вова сказал: ну вот и праздник у Маруси. А потом ее бабушка Аня поймала, а Маруся так, – и он с непередаваемым выражением веснушчатой мордахи весь скрутился, выгнул спину, изображая вырывающуюся из рук кошку, – поцарапала бабушку и – раз – выскочила и побежала опять. И так на дерево бегом раз-раз-раз и заскочила, а оттуда на крышу! И вот сидит там теперь. И кричит.

Мальчонка перевел дыхание, закончив красноречивый рассказ, помолчал и добавил:

– Мама как закричит строго: «Матвей Ахтырский!» – Он вздохнул покаянно. – И мы стали прятаться. Только Вовку уже нашли, – махнул он рукой в сторону дома. – А я тут жду, когда мама остынет.

– И когда, ты полагаешь, это произойдет? – перестав сдерживаться, начал тихо посмеиваться Артем.

– Когда перестанет звать вот так: «Матвей Ахтырский, немедленно выходи! Надо уметь отвечать за свои поступки!» – подражая интонациям мамы, произнес ребенок строгим тоном с особым выражением лица. – И скажет по-другому: «Матвей, выходи, хватит пережидать, я уже остыла!»

– И что тебе грозит в первом варианте?

– Она мне объяснит, в чем я не прав, и надо будет исправить последствия, а еще запретит дневные мультики и дополнительные сладости, – самым серьезным образом сообщил мальчишка.

– А во втором?

– Мультки все равно запретят, – вздохнул парень, всем своим видом выражая глубокую печаль, и добавил совсем уж безнадежно: – И долго будут объяснять. – И доверительно поделился: – А бабушка Лида блинный торт сделала с малиной – вкусный-вкусный. – И, снова сцепив ладошки замочком, страдательно прижал их к груди: – Я попробовал, когда за «ва-ле-ри-а-ны» этим лазил. Он там на буфете стоял. Чуть-чуть, – уверил он Артема, глядя на него своими огромными глазищами, и тяжело вздохнул: – Могут и не дать.

Все! Красногорский не выдержал!

Прикрыв глаза рукой и сотрясаясь всем телом, он хохотал так, что чуть не завалился на бок от изнеможения.

– Ну, что, – вытирая выкатившиеся от смеха слезы, продолжая похохатывать, спросил он у мальчугана, – идем посмотрим, что там со зверушкой, вами замученной, сделалось? Да и сдаваться тебе, брат, я думаю, пора.

– Идем, – согласился с неизбежным решением ребенок и махнул ручкой. – А мама меня уже и не зовет даже, наверное, Марусю с крыши снимает.

– Ох ты господи! – в изнеможении выдохнул Красногорский.

Какая там депрессивная погода! Какое недовольство и ворчание!

Этот пацаненок сделал его день!

Красногорский поднялся с корточек, подхватил мальчугана на руки и двинулся в сторону дома.

По мере приближения Артема с Матвеем на руках к дому кошачье утробное завывание становилось все громче.

Тишайшее создание, до неприличия ленивое даже для представителей ее рода, большую часть времени проводившая в неге и сне, не реагирующая порой даже на то, что ее берут на руки и куда-то там переносят, кошка Маруся в данный момент, выгнув спину дугой, торчала на коньке крыши – хвост трубой, шерсть дыбом – и орала диким, благим ором. А из радиоприемника, болтавшегося сбоку у нее на шее, лилась песня, в которой Алла Борисовна Пугачева призывала «Арлекино быть смешным для всех», а на припеве «аха-ха-ха-хаха, хаха-ха» мелодия песни так и вовсе как-то очень удачно ложилась на кошачье соло.

Живенько так получалось, с задоринкой, можно сказать.

Внизу же, под кошкой Маруськой с песенными дуэтами, разворачивалась не менее увлекательное действие. Лидия Архиповна стояла рядом с сидевшей за столом на веранде незнакомой Артему женщиной и, причитая и охая, старательно замазывала той йодом глубокие царапины на руках. Женщина ее успокаивала, посмеивалась и говорила что-то явно веселое и ободряющее.

Метрах в трех от них сосед Степан Сергеевич, пристроив большую раскладную лестницу к крыше дома, проверял ее на предмет устойчивости и ругался с внуком.

– Вот до чего несчастное животное довели, охламоны! Изверги прямо какие-то, а не дети!

– Ни до чего мы ее не доводили, мы ее вообще не водили! – строптиво отвечал ему внучок Вовка.

Тот, по всей видимости, был оперативно наказан водворением в угол, правда, недалеко от эпицентра событий – тут же на веранде, откуда и подавал реплики недовольным тоном напрасно обвиненного человека.

– А то, что животное кричит и надрывается, это как? – возмутился дед, грозно поглядывая на строптивного внука.

– Она не кричит, она радуется! – пояснял недалеким взрослым истину происходящего с кошкой пацан. – Поет! У нее день рождения!

– Ладно, Степан Сергеевич, – прервала дальнейшие выяснения девушка, стоявшая рядом с соседом. – Потом разберемся, кто поет, а кто орет и почему. Вы лестницу держите.

– Держу, держу, – поспешил уверить сосед, – уж вы не сомневайтесь – не отпущу, все надежно.

Девушка кивнула и поднялась на первые ступеньки.

– От-составить! – весело приказал Красногорский, подходя к веранде.

От переизбытка эмоций и переживаний, за громкостью Маруськиного концерта в сопровождении известных исполнителей, занятые ликвидацией последствий происшествия, домочадцы и гости с соседом и не заметили прибытие хозяина.

– Артемушка! – необычайно обрадовалась Лидия Архиповна и всплеснула руками, совершенно позабыв про бутылочку с йодом, которую держала. – А мы тут... – и растерянно посмотрела на растекающийся по пальцам йод.

– Да я уже понял, – усмехнулся Красногорский, – веселитесь.

И поставил мальчика Матвея на землю, который тут же ухватил его за руку, не торопясь отходить от Артема.

– Ну, – рассмеялась Лидия Архиповна, – где-то так. У нас вон с Марусенькой беда.

– Да? – картинно поудивлялся Артем, посмеиваясь. – А меня заверили, что у животного праздник души и, очевидно, тела.

– Привет, Артем! – продолжая держать лестницу, прокричал Степан Сергеевич и весело оповестил: – А у нас тут видишь что!

– Матвей Ахтырский! – Девушка спустилась с лестницы, подошла к ребенку, которого держал за руку Красногорский, и строгим тоном обратилась к мальчику, указав пальцем в сторону веранды: – Иди-ка встань рядом с Вовой в угол, раздели с другом предварительное наказание до разбора всех обстоятельств.

И проводила взглядом нарочито нехотя поплевавшегося к веранде сына, который всем своим видом изображал покорность судьбе, опустив голову и загребая землю носками еле волочившихся ног.

Да красавец! Артист!

Красногорский не удержался от нового приступа хохота, наблюдая за этой демонстрацией страдания в исполнении Матвея Ахтырского. Даже головой крутанул пару раз от переизбытка чувств.

– Здравствуйте, Артем Борисович, – весело поздоровалась с ним девушка, так же, как он, отчаянно борясь со смехом.

Надо отметить, что ей это удавалось куда как лучше, чем мужчине, видимо, сказывалась долгая тренировка.

– Я Арина, – представилась она, протягивая ладошку для рукопожатия, и пояснила: – Мама этого «вождя краснокожих».

Руку он ее принял и пожал, постепенно переставая смеяться.

Теперь стало понятно, от кого достались мальчику Матвею эти поразительные глубоко насыщенного цвета темно-синие глаза. Кроме того, у мамы Матвея была совершенно очаровательная честная открытая улыбка, симпатичное личико с тонкими чертами, стройная, гибкая фигурка и копна буйных непокорных светло-

русых волос, завернутых в большой пучок на затылке, с выбивавшимися из него локонами.

– Вы извините нас за это... – она указала на крышу, где все в той же позе надрывалась Маруська теперь под новую песню группы «Земляне»: – «И снится нам не рокот космодрома...»

Пристрастие к песням советского периода несколько не удивляло – у Лидии Архиповны радио всегда было настроено на волну «Ретро FM». Судя по всему, сегодня Маруське данный репертуар подходил идеально.

– Кстати, про «зеленую траву», – усмехнулся Артем. – Думаю, пора нам Маруську таки эвакуировать.

– Да я, собственно, и собиралась...

– Так, Арина, на крышу полезу я, а вы, пожалуйста, дозвонитесь в ветлечебницу и разузнайте, чем можно нивелировать действие валерианы на животное и вообще чем помочь, – с ходу принял руководство на себя Красногорский и, распорядившись таким образом, повернулся к веранде: – Мам, дай какое-нибудь полотенце или покрывало, что ли.

– Да вот, мы уж и приготовили! – поспешила Лидия Архиповна, указав на старое, издавшее виды протертое покрывало, висевшее на перилах веранды.

И началась операция по ликвидации последствий дня рождения кошки Маруськи.

От лестницы пришлось отказаться сразу в связи с тем, что она не доставала до высокого конька, да и пользоваться ею в такой ситуации было небезопасно. И Красногорский поднялся наверх через чердак и дальше по специальной деревянной доске с набитыми на нее планками-ступеньками и выбрался на самый конек крыши.

Первый этап задумки прошел, можно сказать, штатно, но стоило Артему накинуть на Маруську покрывало и схватить ее в охапку, как она принялась орать пуце прежнего и вырываться с такой дикой силой, что он чуть не потерял

равновесия и не скатился с того конька с Маруськой под мышкой. Но ничего, обошлось – удержался, усидел на месте и без проблем спустился обратно через чердак в дом.

Малолетних шалопаев извлекли из угла, поставили перед взрослыми и подвергли допросу на предмет количества скормленного ими кошке препарата – оказалось, что не так уж и много той валерианы там было, капель в пузырьке оставалось совсем на донышке.

После выяснения дозировки пацаны вернулись к исполнению первичного, как выразилась Арина, наказания, но теперь по разным углам, а женщины, по данной по телефону рекомендации ветеринара, насильственно вливали несчастной кошке очищающий раствор в пасть, пока Степан Сергеевич героически держал спеленатую все в то же покрывало, рвущуюся на свободу животину.

Выдержав учиненное над ней насилие и извергнув всю влитую в нее жидкость, Маруська вдруг неожиданно замолчала и резко заснула, словно выключилась в один момент.

Кошку уложили на ее любимое кошачье место, заботливо укрыв любимым же пледиком, постояли над несчастной и сочувственно поохали. Самовар раскочегарили, стол накрыли, Артему представили Анну Григорьевну – прабабушку веселого парня Матвея и бабушку его мамы Арины, после чего он загнал свою машину в гараж, и наконец все облегченно выдохнули и сели за стол.

Провинившиеся были временно освобождены из угла и допущены до общих посиделок с целью полного выяснения обстоятельств происшествия.

Ну и, конечно, им дали блинный пирог с малиной!

Нет, все понятно – виноваты, да еще как, но лишать этих чертенят такой вкусноты совсем уж как-то бесчеловечно.

Пристрастный опрос виновников закончился практически сразу, не успев толком начаться, дружным гомерическим хохотом взрослых, когда они принялись вспоминать, что происходило.

– Зачем ты им про валериану-то сказала, Аня? – недоумевала Лидия Архиповна, когда Матвей с Вовкой, перебивая друг друга и уплетая, пока взрослые не передумали и не отняли, пирог, принялись объяснять про день рождения, который обязан быть даже у кошек с музыкой, танцами и кошачьей вкусобностью.

– Да кто ж знал-то! – всплеснула руками Анна Григорьевна, начиная посмеиваться. – Глаза невинные: что кошечки любят? – изобразила она родного внука. – Ну я им: бегать, гулять, кошачий корм, говорю, сметанку... А они мне: нет, это обычная еда, а что они сильно-сильно любят? Ну я возьми и скажи про эту злосчастную валериану...

И не выдержав, залилась бурным смехом, еле выговаривая слова и прикрывая глаза.

– ...так их, – она махнула рукой, сотрясаясь всем телом, – как ветром сдуло после моих слов... кто ж знал-то, что они за... ней отправились!

– А я смотрю... – подхватила Лидия Архиповна, заражаясь приступом хохота, – затихарились где-то, нету пацанов... – Ду-... думаю, не... неспроста это, ду-умаю, надо А...ари-ину позвать. А тут... му-у-у...зыка на всю-ю громкость как вклю-ючается! – Она обессиленно прикрыла ладонью глаза, облокотившись на стол рукой и ухохатываясь.

– А Маруська как заорет! – продолжила рассказ Арина, лучше старших дам справляясь с приступом хохота, лишь утирая слезы, брызнувшие из глаз. – И как выскочит во двор! И давай скакать по-дурному!

– А как она бежала-а... ха-ха-ха, – плакала Анна Григорьевна и принялась показывать: – Задок за-за-аваливается... в разные... сто-ороны, гла-а-аза...

– ...ко-ко... – ха-ха-ха... – косые... – подхватила Лидия Архиповна и, утирая слезы, показала, как косили глаза у кошки.

– А я слышу, – вступил в общий хор Степан Сергеевич, – кошка орет у соседки, да так ненормально, аж до дури. Я и побежал, а тут такое! Маруська скачет по двору, глаза в кучку, радио у нее на шее болтается, а за ней все ба... – стусебался он и поспешил исправиться: – То есть женщины все втроем бегают

на полусогнутых, ловят, значит. – Он посмотрел на изнемогающих от смеха женщин и тоже прыснул. – Та-а-ак... ох, та-а-ак и бе-е-егали вчетвером...

Теперь уж хохотали все, шумно вспоминая события, перебивая и досказывая друг за другом, и Артем, в свою очередь, изнывая новым удушливым приступом хохота, поведал, как нашел Матвея, «пережидающего, пока мама остынет».

А пацаны тем временем, пользуясь моментом, не очень-то понимая, чего, собственно, взрослые так уж тут веселятся, быстренько приговорили свои порции и, заговорщицки переглянувшись, под шумок стянули еще по одному куску с большого блюда.

Справившись с контрабандной добавкой, довольный собой и тем, какое развитие принимают события, совершенно расслабившись, мальчик Матвей звонким голосом, перекрывая смех за столом, поинтересовался:

– Мы пойдем погуляем на улицу?

– Что-о-о? – смеясь, удивленно переспросила Арина.

– Погуляем, – повторил сынок.

– Какое погуляем? – остудила его желания мама. – Вы наказаны. Не знаю, как Вова, а ты еще не отбыл свое наказание за проступок.

– Так все же хорошо? – откровенно недоумевал пацан. – День рождения удался, вы все смеетесь, всем хорошо и весело.

– То-то-точно удался, – зашлась новым приступом смеха Лидия Архиповна. – Е-еще как удался...

– Вот и бабушка Лида говорит! – обрадовался Матвей и растолковал свое видение реальности: – В углу мы постояли, торт съели, можно и гулять. – И в ожидании поддержки он посмотрел на Артема.

Красногорскому стоило огромных усилий, чтобы не захохотать от души, но полностью совладать со смехом не удавалось даже в благих воспитательных

целях, и он, сотрясаясь всем телом, стоически держался, только прикрывал ладонью расплывшийся в улыбке рот, когда ребенок обратил на него вопросительный взор своих синющих глазенок в надежде на восстановление справедливости и поддержку.

- Бабушка Лида говорит с иронией, - пришла на выручку хозяину дома Арина, - то есть в переносном смысле, - поясняла она сыночку. - Давай вместе подумаем и оценим, что произошло.

- Давай, - согласился Матвей.

- Вы напоили животное препаратом, который произвел на нее сильнейшее действие, вызвавшее непредсказуемую реакцию организма... - начала Арина, но ее перебил Вовка.

- Почему это не... - запнулся он на сложном слове, но совладал, как мог: - Несказуемую, - и махнул руками, - очень даже и сказуемую: она радовалась, прыгала, пела и плясала.

- Потому что это не типичное для нее поведение, - терпеливо пояснила Арина. - Помнишь, вы с дедушкой рассказывали, как ты отравился зелеными сливами в прошлом месяце и как тебе было плохо. Тебя шатало, рвало и поднялась температура.

- Помню, - кивнул пацан, но возразил строптиво: - Так я же болел, это другое.

- Нет, это как раз не другое, а то же самое, - растолковывала Арина, - Маруся так ненормально себя вела, потому что тоже отравилась, но только не сливами, а валерианой, что вы ей дали.

- Да? - поразился мальчишка. - А по-моему, она радовалась, скакала и пела.

- Пела-то она пела, Вовка, - вступил в разговор Степан Сергеевич. - Только от того, что ей плохо.

- Но сейчас же все хорошо! - напомнил Матвей. - Маруся накричалась и спит, вы все смеетесь и радуетесь, а мы торт съели.

– Как съели! – охнула Лидия Архиповна. – И точно съели! Аня, ты посмотри! – указала она на опустевшую больше чем наполовину тарелку. – Они под шумок слопали почти весь торт!

Красногорский с Ариной, не сговариваясь, резко отвернулись, справляясь с новой неконтролируемой волной смеха – удержаться было просто невозможно от одного взгляда на две мальчишеские рожицы, которые вмиг приобрели настороженно-виноватое выражение нашкодивших котов.

– Да чего уж, – отмахнулась Анна Григорьевна, посмеиваясь и утирая слезы. – Съели и съели.

– Так им плохо станет от такого количества! – забеспокоилась Лидия Архиповна.

– А мы их промоем марганцовкой, как Марусю, если что, – пообещала Арина, раньше Красногорского справившись с собой.

– Не надо марганцовкой! – перепугался Вовка. – Мы не будем!

– Что вы не будете? – возмущенно взмахнул руками Степан Сергеевич. – Все, что могли, вы уже сделали: кошку опоили, торт слопали.

– Все, хватит! Больше невозможно! – распорядился Красногорский. – Это надо останавливать, иначе нам тут всем плохо от хохота станет. – И посмотрел на пацанов, которые выжидательно уставились на него, безошибочно определив в мужчине главного: – Мальчики, ваша ошибка была в том, что вы не узнали и полностью не изучили информацию. Не расспросили Анну Григорьевну, какие последствия вызывает валериана у кошек и что происходит с животным, когда она выпьет это свое лакомство. А делать что-то, не владея всей информацией, нельзя, это всегда ведет к плачевным результатам. Проще говоря: получится не то, что вы задумали, а все сломается и испортится, навредив окружающим. Это понятно?

Пацаны синхронно кивнули.

– Ну а в чем еще вы были не правы, вам объяснит мама Матвея.

– Нельзя навешивать на животное радиоприемник и любые другие предметы, – подхватила эстафету нравоучений Арина. – Вот представьте, что вам на шею прикрепили бы вот такой приемник, – Она показала размер воображаемого аппарата раза в три больше, чем тот, что они надели на несчастную кошку. – Который невозможно снять и из которого раздается громкая музыка. Вам бы понравилось?

Пацаны посмотрели друг на друга, снова на Арину и дружно покачали головами, соглашаясь с тем, что нет, вряд ли бы им понравился такой дивайс на шее.

– Вот и Марусе не понравилось все, что вы с ней сотворили. Она не соображала, что делает, и не могла себя контролировать, вон даже сильно исцарапала бабушку Аню. – И, выдержав многозначительную паузу, посмотрела на каждого из мальчишек красноречивым взглядом: – Теперь вы поняли, что натворили?

– Поняли, – пробурчал Матвей.

– Мы больше не будем, – пообещал Вовка.

– Не будете это, так обязательно будете что-то другое, – продолжила Арина, не купившаяся на показательно покаянный вид детей. – Я не знаю насчет Вовы, с ним его дедушка разберется, а ты, Матвей, лишаешься дневных мультиков. И, разумеется, мороженого, которое планировалось вечером. И с Вовой сегодня вы общаться и играть больше не будете. И оба попросите прощения у бабушки Ани, пострадавшей от вашей затеи. А сейчас Матвей идет в свою комнату, Вова пока возвращается в угол, а взрослые попьют чаю с тем, что осталось после вашего несанкционированного поедания торта.

Артем не мог припомнить, когда он последний раз пребывал в ощущении такой полной душевной расслабленности и какой-то поразительной радости и легкости, которое испытывал сегодня.

Когда дети пошли отбывать наказание, взрослые наконец смогли спокойно попить чаю с закусками и сладостями. Вскорости Степан Сергеевич ушел, прихватив с собой внука Вовку, и за столом остались хозяева и постояльцы.

Посидели недолго, посмеялись еще совсем немного над происшествием, а больше над историями про неугомонного парня Матвея, которые он успел

вытворить один или на пару с новоприобретенным другом Вовкой уже здесь в поселке за короткое время проживания.

– Он не хулиганистый, – уверяла Артема Анна Григорьевна, – ни в коем случае. Знаете, есть дети злые по натуре своей: ударить, обидеть других детишек, сделать что-то исподтишка, нарочно ломать-разрушать доставляет им удовольствие. Или неуправляемые, истеричные. Наш совсем не такой. Матюша – исследователь: ему все интересно, все надо испробовать, испытать, придумать что-то, влезть из любопытства куда-то, проверить. И тако-о-й энергичный, господи, – усмехнулась она, немного жалуясь. – И очень добрый ребенок.

– И умный, – добавила Лидия Архиповна. – Артемушка, ты не представляешь, какой Матюшенька умный ребенок! Просто поразительно! Он уже достаточно бегло читает по слогам, это в четыре-то годика! И на английском разговаривает, как на родном! Просто чудеса какие-то, да и только! А как он соображает!

– Все-все, – остановила ее Арина, – не надо его захваливать. – И пояснила Артему: – Обычный, нормальный ребенок. Они сейчас все такие, очень раннего, можно сказать, стремительного развития, это современная тенденция. А про английский и чтение, так учеными установлено и доказано, что детский мозг и сознание устроены таким образом, что они способны запоминать, не выучивать, а именно что запоминать большое количество языков совершенно свободно, а чтение легко и непринужденно осваивают в игре, чем бабушка с ним и занимается: играет в буквы-слоги-слова, вот он и читать начал. Но вообще-то да: он у нас очень сообразительный, и ему ужасно интересно, как все устроено. Что есть, то есть. – И вдруг стушевалась, спохватилась: – Да что мы все о Матвее? Извините, вы приехали отдохнуть, расслабиться, с мамой пообщаться, а мы все про Матюшу. Заговорили вас.

– А мне интересно, – остановил поток ее извинений Артем и искренне похвалил: – У вас потрясающий парень.

– Ох, Артемушка, ты не представляешь, как он нас тут веселит, – посверкивая глазами, принялась с энтузиазмом рассказывать Лидия Архиповна. – Что ни день, то какие-то приключения. Вечно он что-нибудь придумает и так рассуждает, объясняет, что мы хохочем целыми днями с этим постреленком. И надо же, друга себе такого же нашел, тот его всего на полгода старше, но руководит в их тандеме Матюшка. Вовка-то не такой умный, как наш, но такой же шустрый и к любой шкоте готовый.

– Ладно, дамы, – поднялся Артем из-за стола. – Пойду я душ приму после покорения крыш и ловли диких животных.

И, несколько театрально откланявшись, ушел в свою часть дома.

«Понятное дело, что мама очарована пацаненком и влюблена в этого ребенка, – думал Красногорский, стоя в душевой под струями воды. – Ей давно хочется внуков, и она всякий раз многозначительно посматривает, когда тем или иным образом заходит речь о детях, вроде как невзначай и ненавязчиво напоминая, что и мне бы пора».

Ему-то давно пора, да только...

До тридцати лет Артем Красногорский вообще не помышлял ни о каких детях, ни о том, что когда-то там, в перспективе, надо будет жениться и заводить семью. Ему прекрасно жилось в своем мире, в статусе холостяка, со своим набирающим обороты бизнесом, и его никоим образом не интересовали какие-то абстрактные тогда для него понятия, как семья и дети.

Он пользовался неизменным успехом у женщин, а чего бы ему и не пользоваться? Молодой, здоровый во всех отношениях мужчина, без вредных привычек, с достаточно сносным мужским характером и без дурака в голове. Высокий, физически крепкий, подтянутый, интересный той особой мужской привлекательностью, которой обладают мужчины, способные на ответственность, на приятие решения, способные действовать, делать и руководить, что нынче принято сплошь и рядом обзывать новомодным словом «харизма».

Вот такой весь распрекрасный, к тому же неплохо зарабатывавший, не миллионы тогда еще, но достаточно для того, чтобы и квартиру отдельную от родителей снимать, и девушек выгуливать по клубам-ресторанам, а в особых случаях и за границу на курорт какой вывезти.

Нарасхват. А как же.

Одним словом, сексуальной мужской реализации у Красногорского было много, порой и с переизбытком даже.

Когда ему исполнился тридцатник, они шумно и весело отметили с друзьями этот юбилей, скинувшись и сняв виллу на озере Комо в Италии. Дороговато немного вышло для него тогдашнего, да еще и с девушкой, но очень круто получилось. Оторвались они тогда знатно – воспоминания на всю жизнь остались.

Артем улыбался, вспоминая тот день рождения, даже головой крутанул, когда всплыли в памяти особо значимые моменты.

Выключил душ, вышел из кабинки, обернул полотенце вокруг талии, другим растер мокрые волосы и, прошлепав мокрыми голыми ступнями по полу, прошел в комнату, где плюхнулся на большой, удобный диван.

М-м-да, погуляли они тогда хорошо.

Последний, пожалуй, такой беззаботный, можно сказать, пацанский их разгул-праздник.

Жена одного из близких друзей Артема была на шестом месяце беременности в тот момент, когда они гуляли в Комо, но, ясное дело, поехала с ними. Все тогда, помнится, еще подшучивали над будущим папашей и закупили им в подарок кучу детских вещичек для ожидаемого ребенка.

Все весело, на подъеме и в радости. А через три месяца, в положенный срок Вика родила замечательную здоровую девчонку, да только вот с ней самой случилась какая-то беда – осложнения во время родов. И настолько серьезные, что ее из роддома перевезли на «Скорой» в другую больницу, где врачи буквально боролись за ее жизнь.

Трагедия друзей потрясла Артема, как-то очень сильно повлияв на его восприятие жизни. Может, еще и потому, что он поехал вместе с Ильей и мамой Вики забирать новорожденную малышку из роддома. Всех остальных мамочек с детками встречали цветами-шарами, подарками, радостными улыбками и поздравлениями, запечатлевая эпохальное событие на гаджеты и видеокамеры, а им девочку просто вынесла медсестра, передала в руки Ильи, поздравила новоявленного отца достаточно официальным тоном, и все.

Радость, конечно, но в тот момент еще было совершенно не ясно, выживет ли Викуля вообще или... Так что забрали они Настеньку (так заранее, еще до рождения, назвали родители дочку) и ушли без цветов-шаров и радостных поздравлений.

Ребятам тогда помогали все: родственники, коллеги с работы и друзья – нашли кормилицу для малышки и няньку, скинувшись на их оплату (ребята особым достатком не располагали, да и родители жили далеко – помогать не могли).

Вику спасли, но родить детей она больше не сможет.

Накануне ее выписки из больницы, поздно вечером после работы, Артем решил заехать к Илье. Надо было договориться о завтрашнем дне, когда и как друг планировал забирать Вику.

Илья открыл дверь, держа заливавшуюся криком дочку на руках.

– Проходи, – замученным голосом пригласил он.

– Чего она у тебя так плачет? – поинтересовался Артем.

– Не знаю, – устало вздохнул новоявленный отец. – Вроде ничего не болит, есть-пить не хочет, а плачет и плачет. А я с ней тут один, мама домой уехала ночевать, а нянька давно ушла.

И вдруг неожиданно сунул Красногорскому в руки кричащий кулек.

Артем никогда раньше не держал младенцев в руках, да вообще-то и не подходил к ним близко – опасался. А тут, не успев ничего сообразить – от неожиданности, что ли, он подхватил ребенка и уставился на красное от рыданий личико.

– Ну ты чего? – спросил он вроде как у папаши, но отреагировала на его голос дочка, внезапно резко замолчав.

Малышка смотрела на Красногорского своими глазками-бусинками и не плакала. По крайней мере, пока.

– О как! – подивился родной папенька. – Где же ты раньше был, Горыч, я больше часа с ней маюсь.

А Артем почти заворуженно смотрел на малышку, рассматривавшую его в ответ, и что-то происходило в его сознании, менялось. Казалось бы – чужой ребенок, не имеющий к нему никакого отношения, орущий комок, а его так мощно пробрало.

– Из тебя выйдет отличный отец, Горыч, – хлопнул его по плечу, устало посмеиваясь, Илья, – если ты умудряешься в один момент успокоить младенца.

– Я ее не успокаивал, – растерянно возразил Артем, – она как-то сама...

– Сама не сама, а вон смотри – кричать перестала, сейчас так и вообще заснет. – И откровенно подивился: – Офигеть!

Малышка и вправду явно уже кемарила, прикрывая глазки, наверняка просто устав от бесконечной истерики, но в тот момент им двоим это обстоятельство показалось чуть ли не чудом: отцу младенца – от того, что наконец наступила благословенная тишина и закончился этот изматывающий крик ребенка, а Артему... – бог знает от чего, что-то там сдвинулось у него в восприятии мира.

Уложив заснувшую Настеньку в кроватку, мужики сели в кухне чаевничать, и Илья рассказал про вердикт врачей, вынесенный жене, помолчал и неожиданно признался:

– Знаешь, а я ведь мечтал о большой семье. Детей не меньше трех, да и Вика со мной соглашалась. – И вздохнул горестно: – А оно вон как вышло.

Артем тогда ехал от Ильи домой совсем уж поздно, за полночь и размышлял над их разговором и все поражался своей странной реакции на ребенка, тому ужасному испугу и одновременно какой-то восторженности, которые он испытал, когда смотрел в это малюсенькое личико, измученное рыданиями и мокрое от слезок, на эти маленькие сжатые кулачки....

Необычайно странным показалось ему те переживания в тот момент. Да и только. И он постарался до поры до времени об этом забыть.

Вика выздоровела окончательно, Настя росла всем на радость, и у ребят все со временем наладилось.

За делами и заботами Артем и не вспоминал про тот свой странный опыт с ребенком, заснувшим у него на руках.

А через три месяца неожиданно умер его отец, Борис Анатольевич Красногорский.

Артем резко оттолкнулся от спинки дивана и встал.

Не об отце сейчас, не об отце – остановил он поток мыслей. Не надо об этом.

Это тема отдельная... совсем отдельная.

Так о чем он? Ах да – о детях.

Странное дело, но почему-то именно после похорон отца, вспоминая его бесконечно, переосмысливая, обдумывая его неожиданный уход, разбираясь со своим чувством вины и копаясь в себе, в какой-то момент Артем неожиданно понял, что хочет иметь детей.

Даже не так – не то чтобы иметь детей, а быть отцом, так правильной.

Станным образом Красногорский вдруг осознал, что желание и необходимость быть отцом, растить и воспитывать детей, устраивать жизнь для них, для семьи, а не для себя одного, есть и является одной из важнейших составляющих его мужской сути. Эта потребность, по всей видимости, передалась ему от отца.

Тогда, в те первые дни-месяцы после смерти Бориса Анатольевича, пребывая в растерянности, неверии и нежелании мириться с таким его уходом, Артем бесконечно обращался к нему, мысленно разговаривал с ним и вспоминал самые яркие, самые важные моменты их жизни.

Отец был для Артема, наверное, самым главным человеком в жизни. При всей его сыновьей любви к матери Борис Анатольевич все же оставался первым для

него – величиной постоянной и незыблемой, стеной и опорой, защитником и мудрым наставником, и другом, может, в силу того, что Артем был поздним и единственным его ребенком, но скорее все же потому, что обладал человеческой мудростью и огромными знаниями.

Не суть важно. Важен результат.

Артем вспоминал, как они с Игореней, его ближайшим закадычным другом, с самого детского сада вступили в дворовую футбольную команду. Были они мальчишками крепкими и рослыми не по своим годам, к тому же упертыми и настояли-таки, чтобы их приняли, оказавшись самыми младшими в команде, а вот с самой игрой у них до обидного не заладилось, и тренер сказал, что, скорее всего, их отчислят. Размазывая слезы кулаком, Артем пожаловался отцу, и тот увез обоих мальчишек на дачу к бабушке и целый месяц каждые выходные на поселковом поле тренировал их с вечера пятницы по воскресенье. Во время же рабочей недели ребята повторяли и повторяли его упражнения до изнеможения.

Зато в сентябре они триумфально вернулись в команду и на первом же матче оба забили свои голы в ворота более сильного соперника. Вот так!

И как отец учил его плавать, когда они всей семьей отдыхали на море, и плыл рядом, когда Артем первый раз решился забраться на глубину, и сажал его себе на спину, когда тот уставал, и доставлял сынка, держащегося за его шею, к берегу. Они отдыхали и начинали новый заплыв, и так день за днем, до тех пор, пока Артем не почувствовал себя как рыба в воде.

И как мастерил с ним поделки, как спокойно, толково и доходчиво объяснял многие вещи, явления жизни и природы. Как учил сына молчать на рыбалке, слушая тишину вокруг и самого себя, как учил продуманно собирать рюкзак в поход, не упуская каждую мелочь, способную в трудную минуту спасти жизнь, и растолковывал, для чего и как могут пригодиться предметы. Вспоминал и сами необыкновенные походы с туристической группой или с друзьями родителей или вчетвером – отец, мама и Артем с Игорем.

А еще – как отец объяснял ему такой тонкий и щекотливый момент, как его резко и неожиданно пробудившуюся подростковую гиперсексуальность, и как правильно к ней относиться и уживаться с ней, не смущаясь реакций своего тела. После чего Артем почти слово в слово передавал эти наставления другу

Игорехе.

И как неожиданно вернувшись с дачи мама с папой застали четырнадцатилетнего сынка с девушкой в самый что ни на есть откровенный момент и как отец увел обалдевшую маму на кухню, посоветовав сыну:

– Не пугайся и не суетись. Спокойно одевайтесь, проводи девушку, и поговорим.

И сказал тогда ему, когда они остались один на один, очень строгим тоном:

– Артем, теперь секс – это часть твоей жизни, и только от тебя зависит, каким он будет и как ты будешь его воспринимать. Это прекрасная сторона жизни взрослых людей, но запомни навсегда: никогда не занимайся сексом по пьяни! – И повторил жестко: – Никогда. Удовольствия не получишь никакого, зато обязательно огребешь кучу проблем. И второе: пока не поймешь, что готов в полной мере отвечать за девушку, всегда используй презерватив. – И снова повторил с нажимом: – Всегда!

И несколько лет подряд лично напоминал сыну, чтобы, выходя из дома, тот проверил наличие у себя презервативов, не уставая повторять, – случаи бывают разные. А еще учил его правильному отношению к женскому полу, к выбору партнерши, к проявлению уважения и умению ухаживать. И все это ненавязчиво, без менторства и назидания – чаще всего весело, с юмором и шуткой, иногда что-то вскользь, вроде бы впроброс скажет, но такое значимое, что запомнится на всю жизнь...

И, переживая, мучаясь потерей отца, Артем все вспоминал о нем, об их общении, их дружбе и однажды подумал: а сможет ли он стать таким же отцом своему ребенку? Не только сыну, но дочке? Есть ли в нем такая мудрость отцовская?

И словно почувствовал в какой-то момент абсолютную внутреннюю готовность к отцовству и желание стать отцом, прямо реальное, настоящее желание стать для кого-то таким же главным, важным и необходимым человеком, каким был для него отец.

Он бы не смог объяснить правильно, логично словами то, что тогда открыл в себе, это было ближе к области чувств, интуиции, ощущений, нечто неосознанное. Но в какой-то момент Артем настолько четко и ясно понял,

почувствовал в себе эту потребность в отцовстве, что как-то переосмыслил свои отношения с женщинами и начал присматриваться к партнерам через призму этого своего нового понимания своей личности. Более того, теперь он и знакомился с девушками с расчетом на серьезные отношения, а не просто для замечательного и необременительного секса. Хотя... разное бывало, да и есть, чего уж там лукавить.

А когда у самого близкого друга, у родного человека Игорехи Брагина родился сынок, с которым Артем тетешкался, как с родным, тогда потребность в отцовстве укрепилась в Красногорском окончательно и навсегда.

Но... полюбить так, чтобы хотеть жениться на девушке, – вот не случилось, и все, хотя странно – и девушки попадались сплошь умницы-красавицы, и с головой дружили, и семью хотели, и замуж рвались, а он что-то никак не влюблялся до серьезного чувства.

Ну вот не получалось! Нет, хватало и первых горячих влюбленных страстных недель-месяцев, когда и ярко, и жарко, и думаешь о ней постоянно, но голову при этом он не терял и представить очередную пассию постоянной спутницей жизни не получалось.

А когда получилось с Лией... Ну с Лией – это особая история. Хоть и с супружеством, но без детей и такая... Впрочем, и эта история закончилась, и, наверное, хорошо, что без детей.

Не то чтобы Артем прямо вот жил и только думал и мечтал, как бы найти подходящую девушку и наделать с ней детишек... Нет, разумеется, это желание было как бы подспудным, некой составляющей его мужской сущности.

Понятное дело, что при встрече с интересной женщиной он не принимался размышлять на предмет: «А не сделать ли с ней ребенка?» – а совершенно по-мужски оценивал барышню и свою сексуальную и человеческую реакцию на нее. А про отцовство – это так, где-то далеко на заднем плане, как бы пунктирно, тихим рефреном.

Но этот мальчишка Матвей!

Артем поймал себя на том, что, представляя себе пацаненка, вспоминая их беседу у куста бузины, постоянно улыбается, и еще звучит в нем странная мысль: «Вот такого бы пацана мне!»

Вот так. И всплыли из глубин сознания все его отцовские инстинкты и желание иметь семью, детей...

– Ладно! – одернул себя Красногорский и подивился: эка его занесло-то, а? Все же устал всерьез и не заметил, как перегрузился, накопив эту усталость. Забот по бизнесу и на самом деле выдалось в этот месяц как-то чересчур, справился, конечно, но неизбежный упадок моральных и физических сил схлопотал, вот и вспоминается всякое потаенное.

– И на самом деле ладно! – подбодрил он себя и постарался подальше отодвинуть воспоминания.

Надо было идти выручать замечательного парня Матвея из заточения в комнате. Нечего ему там сидеть – лета, почитай, и так нет, холод и сплошные дожди, если не считать последних трех дней, и так наверняка вынужденно насиделся в доме, а надо пользоваться моментом, чтобы побегать-погулять на воздухе.

Только как-то потактичней это провернуть, чтобы не задеть авторитет его замечательной мамы.

– Арина, – обратился Красногорский к девушке, обнаружив всех дам в кустах у забора за сбором урожая черной смородины, – а не выпустить ли нам Матвея из заточения под предлогом прогулки по поселку?

– Да уж давно пора! – согласилась девушка, выбираясь из-за куста. – Я и сама хотела его выпустить. Сорок минут более чем достаточно, он уже и поиграл, и почитал. Пока погода есть – надо гулять, тем более через час у него дневной сон.

– Вот и отлично, – обрадовался Артем. – Тогда неплохо было бы погулять по поселку.

– Отлично, – поддержала инициативу девушка.

Они прошли в комнату ребенка и застали того за вдумчивым и методичным раскурочиванием пластмассового грузовика.

– Матюша, – строгим тоном обратилась к нему мама. – Мы договорились с Артемом Борисовичем, что если ты обдумал совершенные тобой ошибки и осознал последствия своих поступков, то ты можешь пойти с нами погулять по поселку.

Мгновенно потеряв всякий интерес к наполовину разобранным грузовику, мальчишка вскочил, подбежал к маме и, сделав самое торжественное выражение лица из, видимо, всех возможных в его исполнении, приложил ладонь к груди и клятвенно заверил:

– Я осознал!

Ну без вариантов! Видеть это представление и не рассмеяться было выше человеческих сил, и Артем сразу же затрясся от смеха, обессиленно прикрыв глаза ладонью. Мама Арина держалась куда более стойко, чем мужчина, ограничившись задорной улыбкой.

– Ну тогда идем гулять, – предложила она.

– Идем гулять! – радостно заорал пацан, подпрыгнув от счастья на месте и ухватил Красногорского за ладонь.

Прогулочным, неспешным шагом они шли по улицам поселка, а неуемный энергичный Матвей то убегал вперед, то возвращался к ним поделиться своими суперважными мыслями и задать не менее важные вопросы.

Вышли к футбольному полю в конце поселка, с двумя воротами по краям, сколоченными из разнокалиберных досок, на котором поселковые мальчишки лениво, без азарта катали мяч друг другу. В нескольких метрах за полем начинался молодой сосновый лесок, к которому они и направились. И у нескольких ближайших елок Артем заметил пару белок, которые, не обращая внимания на громкие перекрикивания пацанов, гоняющих мяч, и на подходивших людей, ковырялись с шишками, все ж таки не забывая настороженно поглядывать по сторонам.

– В этом году много белок, – кивком указав на шустрых зверьков, заметил Красногорский.

– О да! – рассмеялась Арина, со значением покачав головой. – Белок мы уже ловили.

– Видимо, весело было, – не удержался от ответной улыбки Артем.

– Как обычно, – улыбнулась девушка.

– Расскажите.

– Ну у нас все начинается с Матвея и заканчивается им же, – интригуяще рассмеялась она.

Арина, в сопровождении Матвея и его верного друга Вовки, отправилась в поселковый магазин, такое откровенное, замечательное, натуральное «Сельпо», в котором одновременно продавалось все – и продукты, и бытовая химия, и садовый инвентарь, и много чего еще интересного и разнообразного.

Мальчишек она с собой брала не просто так, а в воспитательных целях, поскольку они всегда помогали ей нести покупки домой, ну и чтобы дети побегали по дороге к магазину.

Арина расплатилась, они с мальчиками вышли на порог, а в это же время на площади перед зданием разворачивалось неординарное событие.

Поселковый, потомственный в пятом колене, алкоголик Васильич отплясывал дикий танец, выделявая невообразимые кренделя руками-ногами, и орал разбитную песню с непонятными, невразумительными словами, а в перерывах между пением принимался громко разговаривать с невидимым оппонентом, рассказывая тому, как хороша жизнь, и обещая надавать по мордасам за то, что тот пытается его утащить к чертям.

– Все, «белку» словил Васильич, – констатировала у них за спиной продавщица Галина, вышедшая на шум из магазина узнать, что тут происходит.

Арина поспешила увести мальчишек подальше, чтобы они не видели пьяного и не слушали витиеватой матерщины, и не присутствовали при том, когда начнут скручивать Васильича поселковый участковый и добровольцы.

По-хорошему, будучи матерью столь любознательного и энергичного чада, Арина могла бы и догадаться, ну хотя бы предположить, что столь яркое и неординарное событие не останется незамеченным ее сыночком, или хотя бы насторожиться тем фактом, что ни один из мальчишек не ринулся выпрашивать ее про Васильича и его поведение. Но время от времени Арине все же необходимо хоть ненадолго расслабляться от вечной готовности, постоянной настороженности и ожидания большого или малого «барабума!»

– Мальчишки при мне происшествие не обсуждали и, когда мы вернулись домой, побежали играть во дворе, – продолжила рассказ Арина, сдерживая смех. – Но, оставшись одни, посоветовавшись, решили, что они вообще-то и так не грустят, некогда: все дела, дела, и им вполне себе весело здесь живет. Но уж так весело, как было Васильичу, – нет, до этого им далеко, а сильно хотелось бы.

– Та-а-ак... – протянул Красногорский, ожидая веселое продолжение.

– Понятное дело, что Матвей разработал и предложил план: поймать белку, как Васильич, и тогда уж им точно станет весело-превесело, сплошной праздник. Добрый сынок даже планировал дать белку и маме с бабушками, и деду Вовки, чтобы уж весело было всем. Придумано – сделано, – посмеиваясь, рассказывала Арина, наблюдая за тем, как сынок бежит за белками, которые отчего-то не спешили удирать на деревья, а с удовольствием вступали с ним в игру в догонялки.

– Они залезли на чердак нашего дома, нашли там какую-то коробку, вывалив все ее содержимое, там же, весьма удачно, обнаружили старую веревку, свезло прямо-таки, проделали дырку в одной стороне коробки, привязали к ней веревку. И отправились на участок Степана Сергеевича. Внучок Вовка стащил у дедушки пакетик с его любимыми очищенными подсолнечными семечками для наживки. Дело в том, что Степан Сергеевич подкармливал парочку белок, которые жили у него на участке, в самом дальнем углу на старой ели, рябине и калине. Наши охотнички... Ведь додумались же! Это Матвей в каком-то мультике видел и запомнил. Так вот, наши охотнички устроили ловушку: поставили коробку с открытой крышкой на ребро, насыпали под нее щедро семечек и, спрятавшись за кустами, принялись ждать. Белки оказались дальновидней

Маруськи, с деревьев спускаться не спешили, за угощением не шастали и ловиться никак не хотели. Мальчишкам быстро надоело ждать, тем более тут как нельзя вовремя вспомнилось про оладушки с крыжовником, что жарила бабушка Аня, и, посоветовавшись очередной раз, они решили, что белка и сама поймается, когда придет за семечками, а уж они ее потом...

– Вроде все безобидно, – заметил Артем и спросил: – Поймали?

– Не совсем, – усмехнулась девушка. – Степан Сергеевич, работавший в саду, заметил что-то непонятное под деревьями, пришел проверить и обнаружил неизвестную коробку. Мало того, ловушка из коробки таки сработала, и в коробке явно кто-то копошился. Сергеич тихонечко опустился на колени, прислушался: точно шебуршит! И вроде даже сопит. Он осторожненько взялся за коробку и начал медленно ее поднимать, чтобы посмотреть, «кто в теремочке живет», но в этот самый момент, как нельзя вовремя и «удачно», появились наши юные натуралисты и начинающие охотники, объевшиеся оладий. Любимый внучок, увидев деда, как заорет: «Дедушка, лови белку!» От неожиданности Сергеич резко рванул коробку, но, привязанная за веревку к дереву, она дернулась и отлетела по инерции в другую сторону, а он, по закону той же инерции, не удержал равновесие и плюхнулся животом аккурат на двух ежей, безнаказанно жравших его семечки. При этом надо отметить, что из-за жары был он в одних шортах, то есть с голым торсом.

– Ежи погибли? – засмеялся Артем.

– Отнюдь. Живехоньки. Там почва под деревьями бугристая и подушка из хвои, как подстилка мягкая. Только для кого как. Во-первых, ежи успели свернуться от испуга, а во-вторых, Сергеич лежит, раскинув руки, а ежи, дабы избежать мученической смерти от удушья, принялись прямо под ним продираться на свободу. Когда дедушка встал...

Все... Артем сложился пополам от смеха, а хохочущая до слез Арина смогла-таки продолжить рассказ:

– И когда дети увидели его исполосованные царапинами грудь и живот с парочкой застрявших в коже ежовых иголок, они, не сговариваясь, рванули с низкого старта к нам на участок и спрятались за кустами малины. А дальше все как обычно: Степана Сергеевича обработали йодом, иголки извлекли, детей

нашли и выслушали их версию произошедшего с последующим наказанием.

- Обошлось хоть? - распрямился Артем, утирая слезы.

- Ну не совсем, - успокаиваясь, смеялась Арина. - Уколы от возможных инфекций Сергеич все же получил в профилактических целях. А Лидия Архиповна вспомнила эпохальное «Дедушка, лови белку!» подозревая, что таки свою «белку» он словил, когда начал несколько заговариваться после порции уколов, что пришлось ей капли сердечные принимать. К тому же объяснять детям, какую именно «белку» словил Васильич, никто из нас как-то не рискнул, поэтому остается шанс, что они когда-нибудь еще разок вспомнят о веселящих белках и что тогда придумают - большой вопрос.

- Вы чего смеетесь? - спросил их подбежавший Матвей.

- Белок ловим, - ответила ему мать, после чего они с Артемом зашлись новым приступом смеха.

Всю обратную дорогу в Москву с лица Красногорского не сходила улыбка, хотя за эти два дня он нахохотался столько, сколько не смеялся, пожалуй, за всю свою жизнь, да так, что аж мышцы лица и живота побаливали.

- Вы хоть за ним записываете, снимаете? - спрашивал он у женщин после очередного «выступления» мальчика Матвея.

- Да что ж нам теперь, всю его жизнь записывать и снимать? - недоумевала Лидия Архиповна. - Он постоянно такие перлы выдает - хоть стой, хоть падай.

М-да, мальчик Матвей оказался каким-то уникальным ребенком с повышенной степенью любопытства, неумной энергией и буйной фантазии.

Артем то хмыкал, вспоминая особо комичные моменты общения с резвым мальчишкой, то восхищенно крутил головой, так и доехал до столицы, не заметив времени в дороге и погрузившись в красочные воспоминания.

Из окна своей комнаты Арина наблюдала, как он уезжает.

Было совсем раннее утро понедельника, только-только начало светать. Еще накануне вечером Артем попрощался со всеми домочадцами, объяснив, что уедет очень рано и никому незачем его провожать.

Она согласилась, душевно попрощалась с ним и... и не спала практически всю ночь, невольно прислушиваясь к любому звуку за окном, лишь поэтому и смогла услышать, как чуть скрипнула дверь внизу, легонько охнули половицы на веранде, донесся еле различимый шепот...

Торопливо выскользнув из кровати, Арина подошла к окну и смотрела, как Артем Красногорский, появившись из-под козырька над верандой, прошагал по каменной дорожке к гаражу и исчез внутри. Через какое-то время очень тихо, на малом ходу, из распахнувшейся створки гаражных ворот выкатилась машина.

Он вышел, махнул прощально невидимой отсюда Лидии Архиповне, которая, можно не сомневаться, вышла проводить сыночка. Снова сел за руль, и, когда открылись главные ворота, машина медленно и тихо выехала за участок. Негромкий шум удаляющегося мотора постепенно растаял в прозрачной прохладе предрассветного утра.

Арина постояла еще немного, задумавшись, у окна и вернулась в кровать, точно зная, что уже не заснет.

Какой уж теперь сон, когда мысли заняты одним предметом – хозяином большого, уютного дома в замечательном загородном поселке?

Она все еще жила теми поразительными ощущениями, которые она испытала, когда увидела его первый раз.

Она услышала громкий, веселый, но твердый мужской голос, отдавший приказ тоном, которому трудно было не подчиниться:

– От-сставить!

И посмотрела на идущего с Матвеем Артема – она его сразу узнала. Трудно было бы не узнать, поскольку у Лидии Архиповны царил некий культ умершего десять лет назад мужа и сына, и их портреты, от любительских черно-белых фотографий до постановочных в багете, сделанных фотографом, были развешаны по всему дому.

При такой явной любви и любовании матери Арина подозревала, что сыночек хозяйки дачи, скорее всего, мужчина капризный, с большим апломбом, амбициями и элементами нарциссизма.

Но когда она его увидела....

Что-то случилось с ней необыкновенное, что-то перевернулось внутри, и стало так тепло, свободно и радостно, и вдруг кто-то в ее голове отчетливо произнес: «Вот идет моя Судьба!»

Она даже головой потрясла, сбрасывая непонятный морок и пытаясь избавиться от захвативших ее странных мыслей-чувств, но не получилось. Она погружалась в них все эти два дня, наслаждаясь общением с этим интересным мужчиной, оказавшимся совершенно не таким, каким она его себе нарисовала в воображении, – да, с амбициями, но теми самыми, здоровыми, которые толкают к развитию и достижениям; командир, лидер, безусловно, но человек вдумчивый, не кичливый, с замечательным чувством юмора. Закрытый, но не угрюмый, а вполне себе общительный. Самолюбования нет и в помине, зато имелась у него вполне объективная оценка себя, своего социального и мужского статуса, своих способностей и возможностей, это как и полагается у мужчин такого типажа и таких свойств характера.

Ну понятное дело, что он знал себе цену, ну а как же! Вы бы не знали?

Высокий, крупный, подтянутый, темно-русые густые волосы, немного кривоватый нос, определенно перебитый когда-то и придававший его облику легкий пиратский флер и загадочность, янтарно-зеленые глаза, какие бывают у некоторых, очень редких котов, упрямый, волевой подбородок – да, мама помоги, и только!

Привлекательный той истинной мужской привлекательностью, которой обладают решительные мужчины, наделенные некой внутренней свободой,

одним из признаков лидера – спокойной уверенностью в себе и умением брать на себя ответственность.

Да за таких мужиков женщины...

Забывая, однако же, присмотреться к их характеру, который частенько бывает, мягко говоря, непростым, а чаще тяжелым, видимо, компенсируя все великолепие их личностей.

Каков характер Артема Красногорского, Арина пока до конца не поняла, поскольку общались они в рамках принятых условностей малознакомых людей, отягощенных еще и тем, что он хозяин жилья, которое она арендует, пусть и временно.

Но то, что Матвей сразу же и безоговорочно покорило сердце сурового господина Красногорского, было настолько очевидным, что всем бросалось в глаза. Впрочем, он этого и не скрывал. И все эти почти двое суток проводил в основном с малышом, его другом и мамой.

Слава богу, эти дни обошлось без дождей и было достаточно тепло, хоть солнышко своим присутствием особо и не баловало. Вот они и наверстывали летний-то отдых.

Гуляли по всему поселку, ходили на речку, правда, кроме героического Артема Борисовича, никто плавать и даже окунаться в холодную не по сезону воду не рискнул. В воскресенье Красногорский возил Арину и Матвея с верным другом Вовкой в дальний поселок на рыбную ферму, где они смотрели на карпов в пруду и даже «половили» рыбку, в основном мешая Артему, который спокойно объяснял мальчишкам, как и что надо делать.

Но рыбу домой к ужину они таки добыли – одного большого карпа выловил Артем, а трех других просто купил у рыбаков.

Не забывал Артем Борисович и про дела хозяйские – налаживал нагревательный котел, что-то там настраивал-ремонтировал в сложном оборудовании, обеспечивавшем жизнедеятельность дома, окапывал деревья по указанию Лидии Архиповны, и везде и всегда за ним неизменным хвостиком следовали пацаны, замороженно наблюдая за хозяином, а то и сами что-то делая под его

руководством.

А Арина все эти дни находилась в глубокой растерянности, наблюдая за этой внезапной и сильной привязанностью сына к малознакомому, по сути, чужому мужчине и переживая свои непростые чувства.

Ладно, пусть все идет как идет, посмотрим, что получится, решила она.

Арина уехала в Москву через несколько часов после хозяина дома – у нее тоже работа, и хоть любимая и радостная, но трудная, кропотливая и порой тяжелая.

Всю неделю она пребывала в странном, несколько рассеянном состоянии, понятное дело, вспоминая-думая об Артеме Красногорском, что, как ни удивительно, только способствовало ее творческому процессу – и все-то ей удавалось замечательно и чудесно, и клиентов прибавилось, и заказов, и все она и ее помощники успевали и заработали в эту неделю очень хорошо.

Это было здорово, очень здорово, но все же на первом месте в ее мыслях был господин Красногорский.

И когда она поздно вечером ехала на электричке в поселок, душа ее трепетала!

Арина ждала новой встречи, думала-передумывала, как это произойдет, парила, и побаивалась этой самой новой встречи, и все гадала, понравилась ли она ему. А насколько понравилась? Вроде как он ее особым мужским вниманием не выделял, обращаясь в основном как с мамой Матвея, и все время на «вы» – держал дистанцию. Так понравилась или нет, она что-то не поняла?

Так и думала всю дорогу и ужасно расстроилась, когда выяснилось, что его нет, а она надеялась...

Он приехал в субботу утром, о чем оповестил всю округу громким радостным воплем ее сынок:

– Дядя Арте-ем приехал!!! – звенел от непередаваемого счастья его голосок.

Арина подошла к окну и увидела, как из остановившейся на дорожке перед гаражом машины вышел Красногорский и подхватил на руки подбежавшего к нему Матвея. И под развеселый, совершенно счастливый смех мальчишки подкинул того вверх, легко поймав, и еще раз, и еще, и поставил на землю.

Ну во-о-от, трепыхнулось сердце Арины, вот он и приехал.

И привез кучу вкусностей как для взрослых, так и для ребятни, и подарки, и даже большой набор детских инструментов. И невозможно передать, какой восторг испытывал и излучал ее ребенок. Таким счастливым и восторженным своего сына Арина еще ни разу не видела.

Но между Красногорским и Ариной ничего особо не изменилось в общении – все так же дистанционно-уважительное «вы» и все те же чинные прогулки по поселку и окрестностям, только в резиновых сапогах и дождевиках, поскольку дождь зарядил на все выходные. Долгий, нудный, безрадостный, но мальчишкам было весело – они шлепали и скакали по лужам, брызгались, извозились в речном песке по маковки, строя песочные крепости, бегали по мокрой траве и чего только не вытворяли.

А вечером были настольные игры, в которых задействовали всех – и взрослых, в том числе соседа, и детей – громко, шумно, азартно, с криками и гомерическим хохотом.

А совсем поздним вечером, скорее даже ночью....

Заснул, затих дом, Матвей уж третий сон видел, бабушки по своим комнатам спят, по крайней мере свет обе давно потушили, а Арина никак не могла заснуть, переполненная впечатлениями и беспокойными мыслями, разумеется, все о предмете ее переживаний. Она вышла на веранду, закуталась аж в два пледа, устроилась на большом, удобном плетеном кресле с ногами и смотрела в темноту и слушала шорох бесконечного дождя.

Там ее и обнаружил Красногорский, которому тоже отчего-то не спалось.

– Составлю компанию? – тихим голосом спросил он.

– Только утеплитесь, – посоветовала Арина, – холодно и пробирает до костей, я уж и куртку поддела.

– Уже, – продемонстрировал он и куртку, и пледы, прихваченные с собой.

Они сидели какое-то время молча, смотрели в темноту и слушали звуки ночи. И странным образом их не тяготило и не напрягало это их затянувшееся молчание, оказавшись удивительно гармоничным. А потом совсем тихо Артем заговорил, вспомнив историю из его детства, связанную с дождем, что произошла на старой даче у его бабушки.

Они тихо, на грани шепота разговаривали, рассказывая друг другу какие-то милые, ненавязчивые истории и делясь впечатлениями.

И разошлись где-то через час по своим комнатам.

В воскресенье был шашлык и гости у Красногорских – приехали его лучший друг Игорь с женой и двумя детьми – мальчиками семи лет и двух. Повезло друзьям, что детки у них по возрасту не подходят Матвею с Вовкой, а то те бы их быстренько к какой-нибудь очередной своей афере пристроили – и родители бы сильно подивились способностям своих чад.

Арина с Матвеем собиралась было уйти к Степану Сергеевичу на участок, чтобы не мешать людям отдыхать, но Артем попросил ее остаться и присоединиться к компании. Очень хорошо посидели – душевно, интересно и вкусно. Игорь замечательно играл на гитаре, и они еще более замечательно пели с женой дуэтом, у обоих оказались прекрасные голоса. И вообще пара чудесная, Арине ребята очень понравились.

Но не обошлось, что неудивительно, без происшествий. А что, могло быть как-то иначе?

Артем открыл бутылку красного сухого вина, перелил его в декантер, открыл несколько бутылок с газированной и негазированной минеральной водой, перелил в один кувшин сок для детей, во второй компот, но, осмотревшись и не найдя поднос, пошел за ним в беседку, где и происходило застолье, и, что называется, «зацепился» с кем-то разговором.

Именно в этот момент за какой-то своей важной надобностью в пустую кухню явились Матвей с Вовкой. Ну разве может дух исследователя дремать!

Вот Матвей и решил попробовать, что это там такое красное в странной бутылке. Взял ложку в буфете, зачерпнул и попробовал – фу-у-у! Кисло и невкусно пахнет. То, что это вино, он определил по запаху – уже успел понюхать сегодня несколько раз в бокале у взрослых, но что оно такое невкусное – узнал, только сняв пробу. И тут же решил, что это же не дело совсем, что оно такое фу-у-у, надо срочно сделать так, чтобы взрослым было вкусно-вкусно, аж как кока-кола или лимонад. Верный друг Вовка, которому была предъявлена для дегустации ложка вина, с другом согласился безоговорочно – фу-у-у требуется срочно исправлять.

И из самых благих побуждений, не мучаясь долгими размышлениями, они добавили в декантер немного, сколько вошло до края, газированной минеральной воды.

И продегустировали получившийся коктейль.

Не понравилось. Не сладко. Посоветались и решили, что надо добавить варенья, тогда уж точно сладко будет. А как? В бутылке-то места уже нет. Какие проблемы, в наших умных головах найдется решение любой проблемы – есть же кастрюли! Вылили содержимое декантера в кастрюлю, подумали и добавили еще газировки и плюхнули щедро аж полбанки свежесваренного смородинового варенья, переболтали – попробовали. Не-а, не сладко. Вывалили остатки варенья (хорошо хоть, маленькую банку взяли, пол-литровую и уже початую), переболтали, попробовали! В четвертый раз!

О, самое то, что надо! Хорошо получилось!

Решили для верности попробовать еще разок, то есть пятый, и, стоя на стульях, склонившись над кастрюлей, зачерпнули каждый своей столовой ложкой ее содержимое, и именно этот момент процесса вдумчивой дегустации и застал вернувшийся в кухню Артем.

За недолгое время знакомства, уже несколько привыкнув с осторожностью относиться ко всему, что эти двое пацанят вытворяют, особенно когда остаются без пригляда взрослых, Красногорский мигом подошел к пацанам и попробовал

сам, что они там дегустируют. И откровенно офигел, почувствовав присутствие алкоголя и сообразив, что, собственно, за смесь находится в кастрюле. Вокруг новоявленных «виноделов» тут же закрутилась суета – пацанов заставили выпить огромное количество воды и принять активированный уголь, и все пристрасно приглядывались, не окосели ли детки и как себя чувствуют.

А когда промытые изнутри и недовольные пацаны объясняли взрослым цель своего эксперимента, не привыкшие к таким представлениям гости ухохатывались до икоты и горячих слез, заваливаясь на бок на диване, перед которым и проходил допрос виновников переполоха.

В общем, все прошло прекрасно, можно сказать, почти штатно.

Ни одно животное в эти выходные не пострадало, что вполне можно считать большим достижением.

А поздним вечером воскресенья, прощаясь с домашними перед сном, Артем неожиданно предложил:

– Арина, мы можем поехать вместе, если вам удобно будет встать так рано.

Ну какие у нее были варианты? Вдвоем в машине до Москвы?

Без детей, бабушек, без дел и суеты? Вот так просто вдвоем?

Конечно, да! Можно и еще раз – да-да!

Всю дорогу они разговаривали, делились своими мыслями по тому или иному вопросу, обсуждали какие-то актуальные происшествия, признавались в пристрастиях в литературе, в фильмах и театральных постановках, обсуждали наиболее знаковые и нашумевшие.

И как же до обидного быстро закончилась та дорога! Так бы ехать и ехать! Но вот она, Москва!

Красногорский довез Арину до подъезда ее дома, а она, расстроенная так неожиданно быстро закончившимся общением, пригласила его на кофе.

– Поверьте, я готовлю исключительный кофе. К тому же могу быстро завтрак организовать, тем более у нас есть свежий деревенский творог.

Артем не заставил себя уговаривать, вспомнив о том, что сегодня ему предстоит трудный день, несколько важных встреч, и позавтракать бы не мешало, а кофе так и вовсе как нельзя более кстати, и согласился сразу, причем с немалым энтузиазмом.

Кофе Красногорский выпил аж две чашки, восхитившись его вкусом – и в самом деле великолепно! И позавтракал творогом со сметаной, щедро сдобренным сверху вареньем, с каким-то невероятно вкусным печеньем вприкуску.

И, поблагодарив от души, быстро уехал.

Так у них и повелось – Арина приезжала вечером в пятницу на электричке, Красногорский утром в субботу, а в понедельник спозаранку они оба уезжали на его машине.

Ну и как-то сама собой образовалась у них традиция поздним вечером, ближе к ночи, когда все домашние ложились спать, выходить на веранду, долго сидеть молча, а потом тихо разговаривать, в общем, ни о чем, обсуждая какие-то мелочи, на проверку всегда оказывающиеся важными.

Понятное дело, что, имея возможность общаться не на бегу, долго, спокойно и с удовольствием беседуя, они неизбежно начали рассказывать друг другу что-то из своих жизней, не всю биографию, разумеется, и не подробности личных переживаний и сложных жизненных этапов, а пока еще сохраняя душевную дистанцию, но все же уже о себе, а не только на отвлеченные общие темы.

И, разумеется, а как могло быть иначе, когда люди все больше и больше узнают друг друга и симпатизируют друг другу, наступил тот момент, прозвучал первый вопрос о гораздо более личном и непростом.

И задал его Красногорский, когда они возвращались в Москву, утром очередного понедельника:

– Арин, я хотел спросить, но, если это нетактично или болезненная тема, то извините. И все же: где отец Матвея? Он вам как-то помогает?

А она растерялась.

Неужели не готова была к таким вопросам или не ожидала, что они рано или поздно возникнут при достаточно частом и более-менее доверительном общении?

Бог знает.

Только меньше всего говорить про отца Матвея Арине хотелось именно с Артемом Красногорским. Меньше всего.

Она задумалась, отвернулась, смотрела в боковое окно на пролетающий за окном пейзаж, пытаясь сообразить, что ответить, да и нужно ли отвечать.

– Простите, это, наверное, болезненный вопрос, – извинился Артем.

– Да нет, – снова повернувшись к нему, ответила Арина. – Это давно уже не болезненный вопрос, но... – Она так и не смогла подобрать легкую, изящную формулировку, чтобы скатиться с непростой темы. – Мы расстались до рождения Матвея, и этот человек никаким образом не присутствует в нашей жизни.

Больше в тот день сложных тем они не касались.

Красногорский уже традиционно выпил две чашки кофе, съел с удовольствием завтрак, приготовленный из деревенских продуктов, за которыми они вчера, в воскресенье, специально ездили вместе с мальчишками в дальнее село, и, поблагодарив, быстро уехал.

А Арина, стоя у окна и наблюдая, как выезжает со двора его автомобиль, задумалась...

Как рассказать про отца Матюши мужчине, в которого она влюблена?

Влюблена, как же! Она прекрасно понимала, что обманывается, лукавит сама с собой, давая чувствам, которые испытывала к этому мужчине, именно такое определение, подразумевающее хоть и сильную симпатию и увлеченность, но все же не глубокие, истинные чувства.

А с ней, судя по всему, дело обстояло как раз настолько тяжело.

Как объяснить мужчине, который так много стал значить в твоей жизни, те свои прошлые поступки, переживания и чувства?

Тогда придется объяснять, почему она была такой, какой была на тот момент, а это значит, рассказать всю свою жизнь.

А вот готова ли она ему рассказывать? Вопрос-с-с...

Родители Арины Аркадий Ахтырский и Жанна Воротина поженились по банальному такому, бытовому, что называется, залету.

Аркаша Ахтырский был классическим красавчиком восьмидесятых годов, от которого с ума сходили женщины разных возрастов, впадая в страстную, порой сродни просто-таки какому-то сектантскому благоговению и умопомрачению, привязанность.

Высокий, метр девяносто, широкоплечий, великолепно сложенный, с брутальной внешностью, чем-то похожий на французского известного актера, с губительно эротичной улыбкой чувственных губ, с удивительного оттенка глазами, мужественное лицо, волевой подбородок, копна светлых, непокорных волос и просто-таки бьющая во все стороны сексуальность и энергия.

Он легко и без усилий учился в МГУ на инженера, играл на гитаре и пел великолепным насыщенным баритоном лирические, пробирающие до дрожи и слез, песни, был первым во всех делах и начинаниях – в походе, на сплаве по горной реке, подъеме на вершину в альпинистской связке, участвовал в кавээновских постановках, побеждал в спортивных соревнованиях.

Везде лучший, везде блестящий – все секс-символы того времени, как советские, так и зарубежные, жалко отдыхают и мнутя в сторонке.

Он любил женщин и, по всей видимости, умел настолько виртуозно заниматься сексом, что с женщинами делалось что-то невообразимое.

А они его не просто обожали, они готовы были на любое безумство ради этого мужчины, с ума сходили, предлагали все, чем владели, и все, что могли делать для него и ради него.

Кстати, именно таким образом, то есть щедростью и связями нескольких дам, сходявших по Аркадию с ума, уже к четвертому курсу университета мальчик из далекой северной глубинки обзавелся однокомнатной квартирой и московской пропиской, что в те времена было сродни, пожалуй, полету на Луну, мало того: по распределению он остался работать в Москве. Что в совокупности почти недостижимо!

Жизнь Аркадия была настолько насыщенной, яркой, интересной и страстной во всех ее проявлениях, что он спал часа по три в сутки, не успевая охватить все области своих интересов.

Так бы он и продолжал наслаждаться свободой, но повстречал препятствие на жизненном пути в лице совершенно очаровательной девчушки Жанночки Воротиной, умудрившейся «залететь» от него самым банальным образом.

При всей своей великолепной жизни бонвивана, мужчины, походя разбивавшего женские сердца и расстававшегося с ними легко и без сожаления, человека, без смущения принимавшего протекции и подарки влюбленных в него женщин, порой откровенно их используя, Аркадий не был лишен определенных моральных принципов.

В число которых входило, как ни странно, железное правило, установленное им для себя: не бросать своих детей.

И, что еще более странно, к двадцати девяти годам его более чем активной мужской жизни еще ни одна дама не родила от него ребенка. Нет, ему довольно часто предъявляли факт своей беременности, но при более тщательном расследовании выяснялось, что это всего лишь отчаянные попытки женщин

привязать его к себе и не более того.

Все дело в том, что Аркадий всегда очень четко помнил о контрацепции и следил за этим неукоснительно. И только пару раз у него настолько снесло крышу от неистового желания, что он про все на свете забыл, в том числе и о предохранении, отдаваясь безумной страсти.

И кто бы мог подумать, что так распалить этого бывалого и все видавшего мужчину сможет девчонка на десять лет его моложе, миниатюрная, стройненькая, как куколка, потрясающе симпатичная Жанночка, оказавшаяся в постели абсолютно под стать ему – страстной и безбашенной до потери памяти.

Аркадий не сомневался ни на мгновение и знал, что она беременна от него, и сразу же предложил пожениться, чтобы ребенок родился в полной семье, но откровенно предупредил родителей Жанны, делая официальное предложение:

– Не могу обещать верности вашей дочери, я по натуре своей ходок, и вряд ли меня изменит женитьба. Но ребенка не брошу, даже если мы не сможем жить вместе.

Ну хоть так, решили старшие Воротины, зная за дочкой такую же непостоянную и темпераментную натуру – и в кого только уродилась?

Как ни удивительно, но прожили молодые вместе больше трех лет, но какие это были годы! Начало девяностых! А это, считай, и судьба, и приговор.

Вот так – тут новая жизнь пришла в мир, родился ребенок, а страна катится в пропасть девяностых годов. Впрочем, ничего нового и удивительного, особенно для России. Нет ни одной семьи в нашей стране, по которой бы катком не прокатились все уничтожавшие девяностые. Разумеется, не обошло и Аркадия с Жанной.

Когда Арине было три года, родители развелись. И, что странно, не из-за отца и его непостоянной, влюбчиво-загульной натуры, а из-за того, что влюбилась страстно, до самозабвения мама.

Все эти три года Жанна с Аркадием более-менее уживались и даже неплохо жили – любили друг друга, какой-то, прямо скажем, своеобразной любовью, но все же любили, к тому же их связывало сильное сексуальное влечение и удовлетворение, которое они доставляли друг другу. А это важно для любой пары. Может, еще и потому они продержались столь долго, что мало бывали вместе – работали оба очень много, и не в самых безопасных сферах. А где в те годы в стране было безопасно? Всяко не в городе Москве.

Им вроде бы было хорошо вместе, оба изредка погуливали на сторону, но в рамках условного приличия и соблюдая видимость тайны.

А тут – ать, и любовь большая прихватила Жанночку, когда не ждали. Да еще как!

Развелись. И Аркадий, сдав свою квартиру в аренду банку, отправился куда-то по стране или даже за ее пределы за своим счастьем и сытой жизнью.

С тех пор Арина его не видела и в общем-то про него ничего конкретного не знала, кроме... кроме того, что все эти годы он присылал для нее деньги. Из разных городов, районов и областей, порой из других стран, но каждый месяц, без перебоев, регулярно отец переводил деньги для дочери. И это была вовсе не позорная сумма жалких, вымученных алиментов, а вполне себе приличная, позволявшая, при определенной разумной экономии, спокойно прожить на нее семье из двух человек, не бедствуя и копейки не считая.

И, что еще более удивительно, продолжает присылать до сих пор.

В свое время эти деньги буквально спасли Арину и Анну Григорьевну – ну не совсем уж от смерти голодной, но все же очень, очень помогли, без них бы было совсем тяжело и беспросветно, и еще неизвестно, как бы они справились и выстояли.

Несколько раз в году Аркадий связывался с Анной Григорьевной, интересовался их жизнью вообще и здоровьем дочки и скупко сообщал, где и как живет. Вот и все, что они знали про него. Основное – жив. Жив, раз деньги регулярно присылает, и работает, и, видимо, удачно работает, раз шлет уважительную сумму, а не копеечку стылую.

А мама... Мама стала гражданской женой того самого мужчины, из-за которого ушла от Аркадия. Только имелся один нюанс – мужик тот был натуральным бандитом, одним из руководителей известной ОПГ, то есть организованной преступной группировки. Вот такой «марлезон». Со всеми вытекающими из этого факта «прелестями».

Маленькой Арине повезло необычайно, что мама оставила ее с бабушкой-дедушкой, не взяв с собой в новую семью, которую намеревалась строить, мало принимая в расчет профессиональную деятельность своего избранника.

Строить не получилось, а получилась сплошная неприглядная история с трупами и стрельбой. Но начиналось все хорошо и богато.

Чету Воротиных-старших и Арину вместе с ними осчастливили несколькими поездками на курорты Египта и Турции, в одно из их отсутствий в квартире, за время последней поездки в Египет, сделали шикарный, богатый ремонт и заставили новой мебелью. Все новое – даже постельное белье и посуда.

«Версаль!» – тяжело вздыхала Анна Григорьевна, не радуясь таким обновлениям и переменам и печалась по утраченным любимым хозяйским мелочам.

Но ничего, обвыклись, обжились.

К тому же возражать новому, пусть не официальному, но все же зятю, поостереглись – хоть он и был не совсем типичным представителем криминальной среды и непредсказуемыми вспышками агрессии вроде бы не страдал, и вообще казался человеком интеллигентным, но характер имел крутой.

Жанна прожила с ним два года, до самой его безвременной кончины от недружественного огня конкурентов. Она быстро сообразила, чем лично ей грозит скоропостижная смерть любимого, и, как только ей сообщили по телефону о его расстреле, собрала все драгоценности, деньги, какие могла взять, и в тот же день, буквально через три часа, удачно успела улететь из страны.

А родители и дочь остались. И была большая доля вероятности того, что могут попасть под раздачу в криминальных разборках, в которых, как правило, никого

не щадили.

От страшной участи старших Воротиных и маленькую Аришку спасло три факта. Первое: о тех деньгах, что прихватила с собой Жанна, не знал никто из группировки ее мужа, а весь имеющийся и известный им так называемый «общак» они экспроприировали из сейфа в доме, без сожаления оставленном на разграбление Жанной. Второе: весь остальной капитал, бизнес, а также вся недвижимость банды были оформлены и записаны на ее членов, и Жанна, и ее родные никакого отношения к этим активам не имели. Ну и третье, и, пожалуй, самое важное – не до них было в тот момент лихим людям, приходилось отбиваться от третьей группировки, решившей поделить сферы влияния по-своему.

М-м-да, как говорится, «не ту страну назвали Гондурасом».

Так в пять лет Арина лишилась и мамы, уехавшей в дальние страны и больше не появлявшейся в ее жизни. Связь с родителями Жанна первое время поддерживала постоянную, а потом у нее закрутилась заграничная жизнь, череда романов, замужеств и разводов, она сделалась гражданкой сразу нескольких стран, обросла там недвижимостью и тремя новыми детьми. Про родителей и оставленную в России дочь вспоминала в день их рождения и в Новый год, поздравляла по телефону. Иногда, в тяжелые жизненные моменты или сильно перебрал алкоголя, звонила Анне Григорьевне поплакать, пожаловаться. В такие моменты все порывалась поговорить с дочерью и растолковать той, как правильно надо жить, но бабушка никогда не звала Арину к телефону.

И еще общалась с родными по вопросам официальным, оформляя все через нанятых адвокатов – разрешения на опеку дочери, передачу прав на свою долю в недвижимости ей же.

И на этом все. Ни слез, ни попыток приехать, ни «доченька, люблю тебя, скучаю». Так вот – вжик, и отрезала.

Денег, не в пример отцу, не присылала. Иногда, еще в первые годы эмиграции, несколько раз присылала посылки с вещами для дочери и родителей. Правду надо сказать: с хорошими, дорогими вещами.

Ну а лет через пять перестала делать и это.

Понятно, что Арина ужасно обижалась на родителей, обвиняла их и чувствовала себя брошенной и ненужной, хоть и была обласкана бабушкой с дедом и любима, но все же они не мама и папа. А она постоянно ждала, не признаваясь бабушке с дедом в своей детской мечте, – ждала, что родители приедут к ней и станут целовать-обнимать и плакать, раскаиваться, что так долго не видели дочку, и скажут, как сильно ее любят. И больше никогда не расстанутся с ней. Даже сны видела, красочные, полные солнца и счастья, про возвращение мамы и папы.

Так и жила все свое детство с этой потаенной мечтой и обидой...

А те непростые годы, на которые выпало ее детство, были настолько трудными для Воротиных, что они, сплотившись, старались просто выжить, сохранив достоинство, и не поддаваться тяжелым обстоятельствам, подойдя вплотную к состоянию честной бедности.

Поначалу вроде бы ничего, справлялись – Анна Григорьевна со слезами, но все же ушла с поста директора районной библиотеки и, вспомнив про свое великолепное знание английского, стала репетиторствовать, тем более в середине девяностых на это был повышенный спрос, просто бум какой-то.

А дед Кирилл Львович все не сдавался и с поста ведущего инженера на проданом-перепроданом и загибающемся производстве не уходил. Нервничал ужасно от несправедливости, бился вместе с директором в инстанции, пытаясь достучаться и вразумить деятелей разного уровня, что нельзя губить и терять такой завод. Деятелям было пофиг на активного гражданина и директора завода, свою мзду они уже получили, а дед не выдержал.

В девяносто восьмом он умер от разрыва сердца в вагоне метро, возвращаясь с работы, – сидел, привалившись к поручням, словно заснул, и его обнаружили только на конечной станции.

Остались Арина с Анной Григорьевной одни-одинешеньки.

Тогда очень помогли деньги, что присылал отец. Прямо очень.

Бабушка отдала внуку по знакомству и великому благу в одну из самых сильных школ с английским языком и упором на точные науки.

Аришка замечательно училась, предметы давались ей легко, без особых усилий, наверное, в отца пошла способностями, хотя и беглая мать к наукам имела весьма высокие склонности, одним словом, ребенку хватило наследственности, чтобы прекрасно учиться без особых усилий.

А проявлять усердие Арина ринулась в других сферах – старалась принимать участие во всех возможных олимпиадах, каких-то общественных мероприятиях, занималась спортом и упорно добивалась наивысших достижений в нем, и все только с одной целью – радовать бабушку, оберегая ее таким образом от лишних волнений за внуку.

Как известно из практической психологии, равнодушие наносит самый большой вред человеку, которого игнорируют, а уж ребенку – совершенно сокрушительный, разрушительный вред.

Арина никогда не говорила о родителях, даже с бабушкой и дедушкой, и с подругами близкими не обсуждала эту тему, и уж тем более с посторонними людьми, но лет до двенадцати, наверное, она все лелеяла ту свою детскую последнюю надежду на их возвращение, а потом, в один день буквально, поняла, что они больше никогда не приедут и она им и на самом деле не нужна, и стала жить и расти с ощущением такого их жестокого предательства.

И смерть деда переживала очень тяжело, Арине казалось, что он их с бабушкой тоже бросил и предал, как и родители раньше. Ну почему, почему, по-детски обижалась она на него ужасно, он так болел за этот свой дурацкий завод, что у него не выдержало сердце? Нужно было заботиться о них с бабушкой. Разве ж это не предательство – отдать свою жизнь за завод, оставив их совсем одних?

И когда они остались с бабушкой вдвоем, в Арине поселился какой-то постоянный, жуткий страх потерять еще и бабулю. Она панически боялась, что та заболеет чем-нибудь ужасным, или погибнет во время какого-нибудь теракта, которые то и дело случались в Москве, или ее собьет машина, или она умрет, как дед, – раз, и все! И, не отдавая себе отчета, подсознательно все время старалась всячески, насколько могла, оградить Анну Григорьевну от любых потрясений и переживаний.

Отсюда и ее стремление быть самой лучшей во всех сферах жизни, чтобы бабуля только радовалась за внучку и была спокойна, не нервничала ни одной минутки. И за домашние хозяйские дела бралась с энтузиазмом.

Но, как известно из той же психологии, любое подавление чувств и мыслей рано или поздно прорывается, как созревший нарыв, особенно у подростков, а еще более разрушительно и болезненно – у подростка, боящегося потерять единственного родного человека.

Вообще-то слава богу, что такой срыв случился с Ариной в четырнадцать лет. Было бы гораздо страшней и разрушительней для ее психики, да и жизни в целом, если бы она так и оставила все эти мысли, страхи и переживания в себе.

И совсем уж неудивительно, что триггером, послужившим поводом к срыву, явился звонок мамы.

Поздно, где-то в час ночи, разбивая благостную тишину, неожиданно громко принялся долго и настойчиво звонить особым междугородним звонком их старенький красный телефонный аппарат. Арина и Анна Григорьевна, привыкшие ложиться и вставать рано, чтобы успеть переделать кучу дел утром до школы, давно уж спали и обе испуганно подскочили. Бабушка ринулась к телефону, пребольно ударившись спросонок пальцами ноги о стул.

Арина, выскочившая за бабушкой в коридор, где на тумбочке в прихожей стоял телефон, ничего еще не понимая, услышала, как бабуля громко переспросила:

– Жанна, это ты, что ли?

И замолчала надолго, слушая, что ей отвечают на том конце соединения. Бабушка слушала, молчала, хмурилась, а Аринка стояла перед ней и мелко дрожала от холода и от начинавшей потряхивать ее неконтролируемой нарастающей какой-то лютой, дикой злости, обиды и негодования.

– Жанна, – громким, ровным голосом произнесла бабуля, – тебе надо успокоиться и поспать. Когда проснешься, тогда и позвонишь мне и все расскажешь.

– Перестань с ней разговаривать! – потребовала Аринка.

И вдруг кинулась вперед, нажала на рычажок отбоя и, выхватив у бабушки из руки трубку, буквально швырнула ее на аппарат. Выкрикнула истерично:

– Зачем ты с ней разговариваешь?! Она же пьяная звонила, да?! Просто так она же не звонит, зачем? Мы же ей не нужны, не интересны! У нее своя веселая жизнь! Нас нет в этой ее жизни! Нет, понимаешь! Только когда ей уж совсем поговорить не с кем и она пьяная в дупель, тогда можно и слезы с соплями развести, вспомнив про дочь и мать, и позвонить, пожаловаться на свою жизнь! На свою! – трясла она рукой. – Наша с тобой жизнь ее не интересуется!

– Идем, – подхватив внучку под локоть, торопливо увлекла ее за собой в кухню Анна Григорьевна.

Усадила на стул, но Арина тут же вскочила с него, не в состоянии успокоиться, и уже не было никакой возможности остановить выплеск всей накопившейся в ней за годы боли и обиды, страха и обвинений и ее несло в истеричном крике.

– Зачем ты с ней вообще разговариваешь?! Она же предательница!

– Она моя дочь, – спокойно произнесла Анна Григорьевна и протянула внучке рюмочку с успокоительными каплями, которые оперативно успела налить.

– Не надо мне ничего! – крикнула девочка, резко отталкивая ее руку.

Анна Григорьевна не стала настаивать и отставила рюмочку на столешницу, сохраняя спокойствие.

– Ну и что, что дочь! – со злой обидой кричала Арина. – Она не только меня бросила, но и тебя!

– Да, но это не отменяет того факта, что она моя дочь и я ее люблю. Такую, какая она есть, – терпеливо поясняла бабушка.

– А я не люблю! Не люблю! – Внезапно, в одно мгновение Ариша вдруг залилась слезами, словно какой-то краник сорвало у нее где-то там внутри, выпуская наружу потоки слез. – И отца не люблю! Они мне чужие люди! Я их даже не помню! – И, захлебываясь слезами, вывалила все свои застарелые обиды, всю

накопившуюся горечь обманутого ожидания любви маленькой девочки: – Я так ждала, все время ждала, что они одумаются, хотя бы мама, и вернуться и скажут, что любят меня, что я им нужна! А они! Я им такая не нужна! Я для них какая-то не такая! Плохая, ненужная! Некачественная какая-то! У матери другие любимые дети есть, у отца, наверное, тоже, а я для них плохая, не подхожу!

– Детка, деточка, моя. – Анна Григорьевна поспешно подошла к внучке и обняла ее, сопротивляющуюся, обиженную. – Ну, что ты, девочка. – Она прижала к себе Аришу и успокаивающе гладила ее по спине. – Что ты, маленькая моя. Ты замечательная, прекрасная и любимая девочка. И они оставили тебя не потому, что ты плохая, а потому что они такие. Понимаешь? Тогда они оба были двумя молодыми, подверженными повышенным сексуальным влечениям людьми, эгоистичными и думавшими только о своих прихотях и желаниях. И были заняты только своими персонами и своими устремлениями и мечтами, эмоциями и чувствами. Какой бы ребенок ни оказался на твоём месте, даже два ребенка, думаю, все закончилось бы точно так же: родители твои развелись бы в любом случае, и оба отправились искать счастливой и радостной жизни в разные стороны.

Она немного отстранила Аришу от себя, всмотрелась в ее заплаканное лицо, вытерла текущие по нему самые горькие в мире детские слезы и продолжила объяснять, заглядывая ей в глаза:

– Не в тебе дело, а в них. В них, понимаешь. Они оставили тебя не потому, что ты какая-то, как ты сказала, некачественная, а потому что они были глупыми. Понимаешь, детка, их соединила одинаково сильная страстность, но они не любили друг друга, и когда первое горячее сексуальное притяжение остыло и пошло на убыль, ничто не могло уже удержать их рядом.

– И пусть живут себе, как хотят, и нечего к нам соваться! – все еще не могла остановиться Ариша, но пик бурной истерики уже прошел, постепенно остывая.

– И все же они твои родители, и не самые плохие, хочу тебе заметить, – тем же спокойным, ровным голосом объясняла ей бабушка. – По крайней мере, мать твоя не запойная пьяница, а так, иногда переберет лишку, так и ей, видимо, не очень уж сладко живется в той загранице. И отец тебя не забыл, а помнит и заботится. Как может и как умеет, так и заботится.

– Не нужна мне такая его забота! – бушевала Арина, продолжая заливаться слезами.

– Нужна, да еще как, – возразила ей бабушка, – мы бы без него пропали, голодали бы и нищенствовали. На одни мои репетиторские заработки, как бы они ни были хороши, не протянули бы точно.

Арина дернулась всем телом, резко покрутив головой, отвергая и ее аргументы, и отцовскую помощь, и вообще все на свете.

– Детка, – уговаривала ее Анна Григорьевна своим проникновенным, негромким голосом, снова прижав к себе и поглаживая по голове, – все не так уж и плохо, как тебе кажется. Могло быть гораздо хуже. Трагичнее. Вон у твоих ровесников: у соседского Вити отец пьет и бьет их с матерью смертным боем, а во втором подъезде у Оксаны с братом пьют оба родителя, и жизнь этих детей – страшный ад. У подружки твоей отец был бандитом, и его застрелили, а мать одна бьется и подрабатывает продажной любовью. Может, если бы твои родители не расстались, то тут бы такие страсти кипели с ревностью, драками, изменами, женами-детьми, может, и тоже пить бы пристрастились, кто знает, вся страна тогда от безысходности, нищеты, неопределенности, неустроенности жизни пила по-черному. А так считай, что нам повезло. – Она чуть отклонилась, заглянув в лицо внученьке, стерла ладонью слезы с ее щек, объясняя: – Они ведь оба натуры темпераментные, а в каких формах этот их темперамент проявился бы при той непростой жизни, что была в стране, – бог знает. – И усмехнулась. – Ты и не догадываешься, насколько ты на них похожа.

– Я?.. – оторопела Арина и ринулась возражать. – Нет уж! Меня на страсти-мордасти, так чтобы прямо все забыть, голову потерять, родителей и ребенка бросить, вот уж точно никогда не потянет! – и заявила с горячей убежденностью: – Я вообще не могу быть яблочком от этих яблонь! Может, меня в роддоме подменили и у меня какие-то другие родители, которые меня бы не бросили!

– Вот уж это вряд ли, – усмехнулась Анна Григорьевна. – У тебя совершенно отцовские необыкновенные глаза. Погибель, а не глаза, из-за них-то, в числе прочих его достоинств, женщины и влюблялись в Аркадия до потери сознания. А еще у тебя отцовская роскошная шевелюра.

– Дикая какая-то, – пробурчала, но уже без надрыва Арина, возражая уже по инерции, без прежней эмоциональности и накала.

– Великолепная, – поправила ее бабушка. – И пылкости и сильных чувств в твоей натуре более чем хватает.

– У меня крышу от шальной влюбленности и желания секса не сносит! – Арина никак не соглашалась быть похожей на родителей.

– О-о-о, – многозначительно вздохнула Анна Григорьевна, – не спешила бы ты с такими заявлениями. Вот когда влюбишься, тогда и посмотрим, что там с твоей пылкой натурой. Совладаешь ты с ней, не теряя голову, или понесет тебя во все тяжкие.

– Не понесет! – уверила-таки со всей той самой пылкостью своей натуры Арина.

– Посмотрим, – улыбалась бабушка. – Ты вот сейчас всю свою огненную страсть в учебу, в спорт и дела общественные вкладываешь, я даже побаиваюсь за тебя, не перестаралась бы ты, не загнала бы себя до истощения.

– Я просто хочу, чтобы ты была за меня спокойна и не нервничала, не переживала, что у меня может что-то не получиться, – призналась Арина.

– Да я прекрасно знаю, что у тебя получится все, за что бы ты ни взялась! – поразила Анна Григорьевна, только сейчас поняв, зачем девочке нужны были все эти победы и достижения, и переспросила для верности: – Так это ты из-за меня, что ли, так стараешься и перегружаешься ужасно?

– Ну-у-у, – протянула Арина.

Анна Григорьевна снова погладила ее по голове, поцеловала и пообещала строгим, торжественным тоном:

– Ты за меня не бойся, Ариночка, я умирать не собираюсь. Я крепкая, у меня замечательное здоровье. – И повторила: – Не бойся и даже не думай и в голову не смей брать, что я могу оставить тебя одну. – И усмехнулась, все же смахнув предательскую слезинку, – не просто ей дался этот спокойный, выдержанный

тон. – И прекращай так уж стараться с этими своими общественными и спортивными достижениями. Бог бы с ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/tatyana-alyushina/bud-te-moej-sem-ey>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)